

НИНА ГАРИНА. ВОСПОМИНАНИЯ О ЛЕОНИДЕ АНДРЕЕВЕ

Публикация Л. Н. Ивановой

Воспоминания принадлежат Нине Михайловне Гариной, жене прозаика, драматурга, публициста, профессионального революционера Сергея Александровича Гарина (настоящая фамилия Гарфильд; 1873—1927). Сведения о Гарине, — сменившем учебу в духовном училище и семинарии в Москве на петербургское мореходное училище, затем посвятившем себя общественной и политической деятельности и занимавшем весьма скромное место в современном ему литературном процессе, — довольно скудны.¹ О самой же Нине Михайловне не удалось отыскать почти ничего: нет даже дат ее жизни, девической фамилии. Упоминания об этой семье не встречаются и в воспоминаниях современников. А между тем стараниями хозяйки, московская и петроградская квартиры Гариных временами превращались в «домашний салон» с характерными для него атрибутами: авторскими чтениями литераторов, музицированием, дружескими застольями. Что было в духе времени. Так же, как и «домашние альбомы». В доме Гариных бывало немало известных и знаменитых людей. Возникла потребность зафиксировать памятные встречи. Для этой цели был приобретен большой альбом, открывающийся надписью: «Моему верному, честному спутнику на жизненном пути — Нине Михайловне Гариной, в день ее рождения от горячо любящего Сергея Гарина. Москва. Октябрь 1913 года». В течение 20 лет страницы альбома заполнялись прозаическими и стихотворными записями, полами, рисунками, фотографиями писателей, художников, актеров, музыкантов (1904—1933).² Среди наиболее известных имен (а их — около двухсот): Л. Н. Андреев, М. П. Арцыбашев, И. А. Бунин, А. М. Васнецов, А. К. Глазунов, С. М. Городецкий, М. Горький, Б. К. Зайцев, Н. А. Клюев, В. Г. Короленко, А. И. Куприн, С. И. Мамонтов, А. С. Серафимович, Н. Д. Телешов, Н. Н. Ходотов, Е. Н. Чириков, В. Я. Шишков, И. С. Шмелев, С. С. Юшкевич и др. Уже перечисление имен дает представление о необыкновенном окружении семьи Гариных, фотографии которых также присутствуют на страницах альбома.

¹ См.: *Хитрово Л. К.* Гарин Сергей Александрович // Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. С. 526—527; Автобиография в собрании С. А. Венгерова (РО ИРЛИ, ф. 377, оп. 7, № 1010, л. 1—1 об.); *Азадовский К.* Последняя ночь // Звезда. 1995. № 9. С. 128.

² РО ИРЛИ, ф. 736 (С. А. Гарин), № 57. Следует отметить, что в альбом вклеивались материалы, оказавшиеся в семье Гариных и до 1913 г.

В 1933 г. Нина Михайловна принесла альбом в Пушкинский Дом. Трудно сказать, что могло заставить ее расстаться с уникальной коллекцией: желание сделать ее достоянием многих или тяжелые жизненные обстоятельства. Однако лишь благодаря этому шагу и сохраненному домашнему архиву имя Нины Михайловны Гарниной не вполне затерялось в водовороте времени.

Будучи страстно увлеченной литературой, людьми, к ней причастными, сама Нина Гарина никогда не делала попыток сочинять. «<...> среди многих писателей, — признавалась она, — существовало упорное мнение, <...> что „я пишу вместе с мужем моим“. <...> Я никогда ничего, кроме „пишем родственникам о присылке мне денег“, не писала, и в литературной работе мужа моя роль состояла лишь в том, что я оберегала его здоровье... <...> И была лишь вернейшим другом его и советчиком, но никогда не соавтором».³

Тем не менее в начале 1930-х годов Гарина задумала написать книгу воспоминаний. Замысел не был осуществлен. Сохранились лишь наброски и отдельные главы, в которых, к сожалению, заметно отсутствие литературного навыка. Однако только из этих воспоминаний или их фрагментов, набросков и удастся восстановить хоть какие-то биографические сведения об их авторе. Начиная оставшееся в черновиках «Вступление», Гарина обращается к своим будущим читателям: «Читая мои мемуары, — первое впечатление и первый вопрос, который может возникнуть, таков: почему я о себе пишу ничуть не меньше, чем о любом из писателей? Оспаривать это возможное впечатление я и не собираюсь, — наоборот, я подчеркиваю, что это не простая случайность, ибо весь мой материал, в главном и основном, создавался только лишь на фоне личных моих переживаний и наблюдений, в тесном моем контакте с жизнью писателей... Я совсем почти не описываю тех моментов из жизни писателей, о которых я слышала, — я описываю лишь те моменты, свидетельницей или участницей в которых была я сама...». На самом деле «присутствие» Гарниной на страницах мемуаров ограничивается главным образом «личными переживаниями и наблюдениями». «Возможно, — продолжает она, — что некоторые из писателей, оставшиеся в живых, не согласны будут с некоторыми данными мною характеристиками их собратьев по перу, но, надеюсь, что это будет в весьма редких случаях, ибо я описываю лишь только то, что я сама видела... Что сама слышала... Что сама переживала... И описываю так, как мною все происходящее вокруг воспринималось...».⁴ Далее Гарина говорит о своей «врожденной наблюдательности», «долготерпении» и «товарищеском отношении» к писателям, их «нуждам и горестям».

Признавая себя «лишенной всяких талантов», Гарина пытается объяснить свое тяготение к кругу, как она называет, «богемы». Лишь для этого, единственный раз, она осторожно приоткрывает завесу над своим прошлым, но, к сожалению, и здесь избегает конкретностей: «Рожденная в высококультурной и образованной семье, но со всеми условностями далекого прошлого... Окруженная гувернантками и боннами... Воспитываемая в „хорошем тоне“ и „изяжных манерах“, — я, единственная в семье своей, была тем именно, как говорится, „уродом“, к которому не прививались никакие „приличия“ и никакие „изяжные манеры“... Я была отчаянной, беспечной, бесшабашной девчонкой — была богемой, в настоящем, полном смысле этого слова... Вот почему этот мир — мир писателей, художников <...> был мне ближе всего <...> моей атмосферой... Моим воздухом... Частицей моего „я“...»⁵

³ РО ИРЛИ, ф. 736, № 68, л. 44. Пьеса С. Гарина «Рыцарь бедный» (М., 1912) вышла с посвящением: «Дорогому другу на жизненном пути --- Нине Михайловне, с которой мы вместе работали над этим трудом. --- посвящаю. Сергей Гарин. Москва, весна 1912».

⁴ РО ИРЛИ, ф. 736, № 69, л. 1 («Вступление» к воспоминаниям Н. М. Гарниной).

⁵ Там же, л. 1 об.

Сведения о гимназическом прошлом ограничиваются рассказами о собственных шалостях, непослушании: однажды, например, ее исключили за то, что не подошла к руке митрополита, но, по ходатайству классной дамы, вернули. Лишь в одной из глав случайный штрих: бежит в гимназию по Варшаве. За несколько месяцев до окончания гимназии Гарина⁶ неожиданно для всех вышла замуж. «Так весело начался мой первый брак», — пишет она, рассказывая о своем несколько скандальном венчании. По непонятной причине не называя своего первого мужа, представляет его весьма объективно: «Выдающийся лингвист, первый муж мой — этот талантливый человек — к глубочайшему огорчению моему, оказался прототипом героя романа Ф. Соллогуба (так! — Л. И.) „Мелкий бес“⁷... Четырнадцать невероятно тяжелых лет я все же прожила с этим тяжело больным человеком, но в конце концов испытания этого не выдержала и с тремя детьми⁸ бежала „в пространство“, так как возврата в семью „бежавшей от мужа“, по тем варварским временам, уже не было...». Далее Нина Михайловна признается, что долгие годы суровой жизни закалили ее и что только второй муж, С. А. Гарфильд,⁹ с которым было прожито «безоблачно» двадцать два

⁶ Вынужденное употребление единственной известной нам фамилии мемуаристки.

⁷ Это, разумеется, образное сравнение супруга Нины Гаринной с главным персонажем романа Ф. Соллогуба «Мелкий бес» (1902), гимназическим учителем Ардалионом Борисовичем Передоновым, ставшим именем нарицательным, вобравшим такие качества, как косность, тупоумие, злоба, рабский страх.

⁸ В письме к А.И. Куприну от 14 февраля 1938 г., вскоре после его возвращения в Россию, Н. Гарина сообщает о давней кончине мужа и напоминает о своих детях: Зоя, Алеша и Коля (РО ИРЛИ, ф. 242, оп. 1, № 103, л. 1). В альбоме Гаринной помещена открытка Куприна от 13 марта 1914 г., адресованная «ЕВБ Николаю Сергеевичу Гарину» с шуточным стихотворением:

Милый Коля Гарин,
Очень благодарен.
Не письмо — подарок!
Даже без помарок.
Слог великолепен
И довольно ярок.
Передай же, свет,
Маме мой привет.

А. Куприн.
(РО ИРЛИ, ф. 736, № 57, л. 10 об.)

Здесь же (л. 2 об.) — автограф «Сонета» Куприна, посвященного Алексею Гарину (10 марта 1917 г.). В альбоме же, под недатированной фотографией надпись: «Артистка Вольного Московского Театра З. С. Гарина. Артист того же театра Николай Гарин» (л. 5 об.).

⁹ К сожалению, не удалось установить, когда выбранный в 1910 г. псевдоним Сергей Гарин заменил фамилию писателя. Во всяком случае, если до 1917 г. он нередко подписывал свои письма фамилией Гарфильд, то позднее к псевдониму прибавилось отчество. Даже в таких официальных документах, какими являются анкеты для членов Всероссийского союза писателей (1925 и 1926 гг.), Гарфильд не упоминается (РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1; без шифра). Можно предположить, что в какой-то момент писатель, а заодно его семья, решили избавиться от неблагозвучной и «неудобной» в России фамилии. В своей автобиографии он пояснял: «Оба родителя православные. Фамилия Гарфильдов происходит из шотландцев, и один из них, эмигрировавший в Америку, был после там президентом (Джеймс Гарфильд)» (РО ИРЛИ, ф. 377, оп. 7, № 1010, л. 1). В известных нам документах Нина Михайловна не только сама пользовалась исключи-

года (то есть 1905—1927), дал «возможность забыть о кошмаре прошлой жизни и уже окончательно окунул меня в столь близкую существу моему атмосферу богемы...». Впрочем, Нина Михайловна не рассказывает и об этом, любимом, муже ничего существенного, отмечает лишь его остроумие, литературный талант. Приводя незначительные эпизоды из семейной жизни, Гарина подытоживает: «Тяжелую, в общем, но действительную прекрасную жизнь я прожила с этим лучшим из людей...».¹⁰

Воспоминания писались в Ленинграде, в 1932—1939 гг. Законченные главы посвящены Л. Н. Андрееву, М. П. Арцыбашеву, И. А. Бунину, А. К. Глазунову, С. А. Есенину и Г. Ф. Устинову,¹¹ Н. А. Клюеву, А. И. Куприну, Ф. И. Шаляпину.¹² Очевидно, это те, кто оставил самый яркий след в жизни и памяти мемуаристки. Перечисленные имена наводят также на мысль о важной особенности сохранившейся части книги: несмотря на то, что Гарина почти не касалась политических тем, требовалось определенное мужество, чтобы в годы сталинских репрессий, особенно усилившихся в Ленинграде после убийства Кирова (1 декабря 1934 г.), рассказывать о тех, кто не принял советскую власть, кто не был ей идеологически созвучен, о тех, кто эмигрировал, и даже об осужденном и находящемся в ссылке Н. А. Клюеве.¹³

Предметом особого преклонения мемуаристки, по ее собственному признанию, был Леонид Андреев: «С первых же шагов литературной деятельности Леонида Андреева... С момента первого его брака — я зорко следила за ним... Его личной жизнью... Его гворчеством...»

Следила до последних дней его жизни... Он этого не знал. Не знал, что в моем лице у него была одна из самых верных и надежных его поклонниц, которая, несмотря на дальность расставания, все о нем знала... Все с ним вместе переживала, неустанно следя и за мечущимся духом его...»

Ошибочно полагая, что «в вышедших уже многих воспоминаниях» об Андрееве «очень мало упоминается о личной жизни писателя и его семейных взаимоотношениях», Гарина именно этому уделила основное внимание. На самом деле приводимые

только фамилией Гарина, но называла так и своих детей от первого брака (см., например, подписи под их фотографиями в ее альбоме: РО ИРЛИ, ф. 736, № 57, по внутренней описи). Примечательно, что Гариными стали и дети писателя от первого брака (с М. Г. Тимушко), рожденные задолго до возникновения псевдонима. См. воспоминания его дочери Веры Сергеевны (1898—1990) «По стопам отца. (Из дневника военкома Санупра времен гражданской войны)» (1971), где на вопрос о причине двойной фамилии, заданный в 1919 г., она ответила: «По отцу я Гарина, а фамилия мужа — Воробьев» (РО ИРЛИ, ф. 736, № 79, л. 5). Во втором браке Вера Сергеевна стала Гаринной-Кузнецовой. (Благодарю приемного сына Веры Сергеевны, В. М. Кузнецова, за некоторые сведения о матери.)

¹⁰ РО ИРЛИ, ф. 736, № 69, л. 8 об.—10 об. В этом же фонде см. также ее воспоминания: «Юбилей С. А. Гарина. (Из писем Н. М. Гарининой)» (1925) (№ 58) и «Кончина С. А. Гарина» (1927) (№ 44).

¹¹ Спустя много лет эта глава появилась в печати: *Гарина Н.* Воспоминания о С. А. Есенине и Г. Ф. Устинове / Публ. и примеч. К. Азадовского // Звезда. 1995. № 9. С. 139—149.

¹² В виде белых и черновых рукописей, авторизованной машинописи с правкой и вставками автора воспоминания поступили в Пушкинский Дом в 1974 г. от Веры Сергеевны Гаринной-Кузнецовой, в составе архива ее отца: РО ИРЛИ, ф. 736, № 59—70.

¹³ Н. А. Клюев, арестованный 2 февраля 1934 г., расстрелян в октябре 1937 г. К. М. Азадовский цитирует воспоминания Гарининой 1935 г. о Клюеве, относящиеся к осени 1912 г., когда поэт жил 2,5 месяца у Гаринных в Москве, публикует его рисунок того же периода. Фотографию 1913 г. (Гарин и Клюев) и запись 1922 г. в альбоме Нины Михайловны: *Азадовский К.* Николай Клюев: Путь поэта. Л., 1990. С. 7—8, 94, 101, 122, 128, 132, 135, 245.

факты и события в большинстве своем были уже известны из автобиографии Андреева¹⁴ и воспоминаний его близких друзей и родственников.¹⁵ Ни к тем, ни к другим Гарина, как мы знаем, не принадлежала. Однако думается, в данном случае речь не идет о плагиате: мемуаристка была знакома с некоторыми членами семьи Андреева, в частности, с его сестрой Риммой и братом Андреем. В ряде случаев именно на их рассказы она прямо ссылается в тексте. Кроме того, были и другие источники: это и общий литературно-артистический круг, и периодика, всегда уделявшая повышенное внимание к личности Андреева.¹⁶

Действительно, воспоминания Гариной носят «камерный» характер: в них почти совсем не говорится о литературном, театральном окружении писателя (исключение — эпизод с Куприным¹⁷), о его творчестве. Можно предположить, что описанными двумя встречами и исчерпывается близкое, вне многолюдных собраний, общение Гариных с Андреевым. Нина Михайловна сообщает о настоятельном приглашении писателя приехать с детьми и погостить у него в Финляндии, но вряд ли это удалось осуществить, иначе мы бы непременно, с большими подробностями, прочли обо всем в ее воспоминаниях.

Пересказывая биографию Андреева, Гарина пытается следовать хронологии, но почти не называет дат, не сообщает и об обстоятельствах знакомства с писателем, за которым всегда «следила». Почти документальная подробность изложения появляется лишь в сюжете, связанном с ее мужем: случайная встреча с Андреевым в Севастополе летом 1910 г. и незамедлительно последовавшее его содействие в публикации Гарина в «Русском богатстве».¹⁸

Весной 1910 г., во время отдыха в Крыму, Андреев встречался с В. Г. Короленко. Виделись они и в июне, во время очередного приезда Короленко из Полтавы в Петербург, по делам, связанным с «Русским богатством». 22 июня 1910 г. Короленко благодарит Андреева за присланный рассказ Гарфильда «Как они умерли»: «Он действительно интересен и написан хорошо». По совету Андреева 27 июля 1910 г. Гарфильд сам написал Короленко и получил краткий деловой ответ, датированный 2 августа того же года.¹⁹ Уже в сентябрьской книжке «Русского богатства» рассказ был опубликован.²⁰

¹⁴ См.: Первые литературные шаги: Автобиографии современных русских писателей / Собрал Ф. Ф. Фидлер. М., 1911. С. 27—32.

¹⁵ Речь идет об опубликованных к тому времени воспоминаниях Павла Николаевича (Литературная мысль. Л., 1925. Кн. 3. С. 140—207), Андрея Николаевича (Красная повесть. 1926. № 9. С. 209—223) и Риммы Николаевны Андреевых (Россия. 1925. № 4 (13). С. 238—241). Сюда же необходимо отнести следующие издания: Книга о Леониде Андрееве: Воспоминания. Пг.; Берлин: Изд. 3. И. Гржебина, 1922; *Фатов Н. Н.* Молодые годы Леонида Андреева: По неизданным письмам, воспоминаниям и документам. М.: Земля и фабрика, 1924; Реквием: Сборник памяти Леонида Андреева / Под ред. Д. Л. Андреева и В. Е. Беклемишевой. С предисл. В. И. Невского. М.: Федерация, 1930.

¹⁶ См.: Леонид Николаевич Андреев: Библиография. Вып. 2: Литература (1900—1919) / Сост. В. Н. Чуваков. М.: Наследие, 1998; Леонид Николаевич Андреев: Библиография. Вып. 2А: Аннотированный каталог собрания рецензий Славянской библиотеки Хельсинкского университета / Сост. М. В. Козьменко. М.: ИМЛИ РАН, 2002.

¹⁷ См. главу 8 в данной публикации.

¹⁸ См. главы 9—10 в данной публикации.

¹⁹ См.: *Желвакова И. А.* Письма В. Г. Короленко разным лицам // Новое и забытое. М.: Наука, 1966. <Сб.>. 1. С. 126.

²⁰ *Гарин С.* Как они умерли. (Из летописи минувшей войны) // Русское богатство. 1910. № 9. С. 11—58.

Желая продолжить сотрудничество в солидном журнале, Гарфильд продолжал посылать свои рукописи Короленко, получая в ответ доброжелательную критику, а иногда — отказы: «Рассказ Ваш „Обреченные“ я прочитал. <...> Рассказ — нечего говорить — совершенно литературен, но нам не подходит» (19 июля 1911 г.).²¹

Тем не менее, благодаря Андрееву, знакомство семьи Гариных с Короленко состоялось. Оценив доброе отношение маститого писателя, в трудный момент с отчаянным письмом (10 сентября 1911 г.) к нему обратилась Нина Михайловна. Она подробно рассказала о серьезной болезни мужа, полном безденежье семьи (заложена даже пишущая машинка). Короленко незамедлительно (13 сентября) адресовался в Литературный фонд: «Сейчас получил письмо из Москвы: Сергей Александрович Гарфильд (Гарин) находится в очень тяжелом положении. <...> Некоторые его рассказы уже приняты „Знаем“ и „Современником“, но появятся еще не скоро, а врачи настоятельно требуют временного клинического режима, т. е. полного прекращения этой распродажи нервов в розницу и — лечения. Так как у него семья — жена и 3-е детей — то ему нужно рублей 250—300. Ценз у него настоящий. Он печатается у нас и в других (кажется) журналах. Рассказ его „Как они умирали“ вызвал горячие рекомендации Л. Н. Андреева и обратил вообще внимание критики. Это — кроме газетной работы. <...> Мне кажется, что Гарин очень заслуживает помощи. <...> Сам Гарфильд мне не писал ничего: человек очень застенчивый и скромный. Писал общій знакомый, которого от отчаянном положении семьи сообщила жена Гарфильда».²²

По совету Короленко Гарфильд обратился в Литературный фонд (23 сентября 1911 г.).²³ В результате столь весомого ходатайства²⁴ ему было назначено денежное пособие на два месяца и дано направление на санаторное лечение. Однако за два месяца здоровье поправить не удалось, и новое прошение Гарфильда в Литературный фонд (11 января 1912 г.) также было поддержано письмом Короленко от 15 января 1912 г.: «<...> положение Гарина-Гарфильда очень серьезно, и помощь Фонда может его спасти, т. е. завершить то, что уже для него сделано. Прибавлю еще, что даже и во время болезни Сергей Александрович занят большой работой, которая, как видно из переписки его со мною, подвигается вперед».²⁵

Одно из писем адресовано жене писателя: «Многоуважаемая Нина Михайловна. Извиняюсь: мне принесли Вашу открыточку с адресом. Я нездоров, и до вчерашнего дня эта открытка лежала в Редакции, куда я не ходил. Теперь уже наверно все исполнено, и перевод по телеграфу получен. Вчера же я послал Серг<ию> Ал<ександрови>чу длинное письмо об его рукописи. Все, надеюсь, будет хорошо. Жму руку. Вл<адимир> Короленко. 23 дек<абря> 1911, Пб. Кирочная, 29-11».²⁶ В подробном письме от 22 декабря 1911 г. Короленко высказывает замечания об очерках Гарфильда «Гладиаторы», позднее отклоненных редакцией журнала.²⁷ В 1912 г. состоялась еще

²¹ См.: Желвакова И. А. Письма В. Г. Короленко разным лицам. С. 128.

²² На самом деле письмо Н. М. Гариной было адресовано и обращено к Короленко. См.: РО ИРЛИ, ф. 155, Журнал № 24 заседания комитета общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым («Литературный фонд»). 26 сентября 1911 г., л. 23—24, 26—27.

²³ См. прошение С. А. Гарфильда: там же, л. 22.

²⁴ Почти десять лет назад, в июне 1903 г., на прошение в Литературный фонд и Постоянную комиссию для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам при императорской Академии наук о ссуде на лечение С. А. Гарфильду было отказано. См. его письмо об этом и прошение: РО ИРЛИ, ф. 540, оп. 2, № 1049, л. 2—3.

²⁵ РО ИРЛИ, ф. 155, Журнал № 24, л. 24, 26. Вероятно, речь идет об очерках Гарина из флотской жизни «Гладиаторы».

²⁶ РО ИРЛИ, ф. 736, № 57, л. 30 об.

²⁷ Желвакова И. А. Письма В. Г. Короленко разным лицам. С. 128—129.

одна, последняя, публикация Гарфильда в «Русском богатстве»: роман «У дальнего моря» (№ 8—9). Однако Короленко и в дальнейшем старался помочь семье писателя материально. См., например, его письмо от 11 июня 1913 г. в контору «Русского богатства» (Л. В. Костроковой) с просьбой о высылке аванса Гарфильду, который «оказался в отчаянном положении».²⁸

По-видимому, Гарфильд побывал у Короленко в Полтаве, во всяком случае, альбом Нины Михайловны пополнился фотографией с надписью: «Сергею Александровичу Гарину на память о Полтаве. Вл. Короленко. 20 марта 1913».²⁹

«Этот маленький факт, — пишет в публикуемых воспоминаниях Гарина, имея в виду историю первой публикации мужа в „Русском богатстве“, — ярко и бесспорно, рисует Леонида Андреева с лучшей стороны». Разумеется, это очевидное проявление товарищества, нечастое среди собратьев по перу, еще более возвысило личность Андреева в глазах Гариной. Возможно, именно благодаря Андрееву Гарфильд под псевдонимом Сергей Гарин в 1910 г. сотрудничал в качестве фельетониста в московской газете «Утро России», редактором которой был первый муж Р. Н. Андреевой Аркадий Павлович Алексеевский (1871—1943).

Не станем упрекать автора публикуемых ниже мемуаров, Нину Михайловну Гарину, в поверхностности, в непонимании личности и творчества избранного ею «героя». Тем более, что она как бы предупреждает об этом в первых же строках, называя свои воспоминания «маленькими», но о «большом, мятежном Леониде Андрееве». Может быть, в данном случае ценнее любящий, всепрощающий взгляд, пропозывающий все повествование. О единственном замеченном «клизьяне» (о котором нельзя было умолчать) — присущей Андрееву в молодости «русской болезни» — говорится не с осуждением, а с сочувствием к его страданиям. Важно и то, что воспоминания выявляют новый для нас писательский контакт Леонида Андреева: в литературе о нем до сих пор не встречались имена Нины и Сергея Гариных. Уже поэтому они, безусловно, заслуживают нашего внимания и достойны занять свое место в мемуаристике, посвященной Андрееву. Кроме того, они содержат неизвестные ранее биографические эпизоды, а также дополнительные детали к рассказанному другими мемуаристами.

Воспоминания публикуются по авторизованному машинописному экземпляру, в котором имеется незначительная правка и вставки автора: РО ИРЛИ, ф. 736, № 60, л. 1—68.

АНДРЕЕВ ЛЕОНИД НИКОЛАЕВИЧ

Маленькие мои воспоминания о большом, мятежном Леониде Андрееве и о глубоко трогательном в величии своем образе матери его — навеяли на меня воспоминания далекого прошлого, полсотни лет тому назад прочитанного мною и оставившего неизгладимый след на детской психике моей.

К знаменитому английскому ученому на банкете, устроенном в честь его, подошла какая-то придворная дама и спросила:

«Скажите, правда ли, что Вы недавно, в разговоре о смерти, высказали желание, чтобы Ваша мать умерла раньше Вас?»

«Да, это правда!» — холодно ответил ученый.

²⁸ РО ИРЛИ, ф. 266, оп. 3, № 74, л. 1.

²⁹ РО ИРЛИ, ф. 736, № 57, л. 6 об.

«Как?!» — воскликнула она. — И это сказали Вы, о котором говорит вся наша страна и говорит не только как об ученом, но и о той безграничной любви, которая существует между Вами и Вашей матерью?!..»

«Вот, во имя этой, именно, великой любви я и хочу, чтобы моя мать умерла раньше меня, дабы ей не пришлось переживать моей смерти», — закончил, не дрогнув, ученый.

1

Леонид Андреев — сын землемера.¹

Родился в Орле.

В высшей степени культурный. Интересный. С одухотворенным лицом мыслителя. Большими, глубокими и вдумчивыми глазами — Леонид Николаевич Андреев, не только как писатель, но и как мужчина, с обаятельной внешностью своей, был большим соперником многим и многим из писателей...

В особенности одному из них, который никак пережить этого не мог, о чем я пишу в дальнейших воспоминаниях своих...

Я любила Леонида Николаевича не только как писателя...

Я любила его за ту исключительную любовь, преданность и привязанность его к матери, которые он до последних минут жизни своей проявлял в отношении ее...

Проявлял и в отношении остальных, многочисленных членов семьи своей, заменяя им отца после его смерти и не изменив отношения этого к ним и в расцвете славы своей и богатства, оставаясь неизменно вернейшим их другом. Опекуном и советчиком...

Вот в этой именно плоскости я и хочу дать ряд воспоминаний о Леониде Андрееве, тем более, что в вышедших уже многих воспоминаниях о нем очень мало упоминается о личной жизни писателя и его семейных взаимоотношениях.

Я пишу о матери и сыне...

«Я твой Ромео!.. Ты моя Джульетта!»² — пишет Леонид Андреев как-то матери.

В другом письме: «Рыжик!» Так иногда он называл свою мать,³ — «в нескольких строчках твоего письма — больше смысла, чем в любом большом романе»⁴...

Глубоко уважая свою мать, Леонид Андреев всегда и во всем советовался с нею...

Считался с нею и с ее мнением...

Считался даже в вопросах своего творчества...

Иногда, во время читки нового какого-либо его произведения, вдруг раздавался нежный, любящий тревожный ее голос:

«Коточка!»⁵ Мне это место что-то не нравится!»

В ответ обычно раздавалась его фраза:

«Мать! Ты ничего не понимаешь!»

И чтение продолжалось.

Но, уходя, — Леонид Андреев обдумывал слова, сказанные ему мудрой, чуткой его матерью — совершенно необразованной, полуграмотной женщиной.⁶

И не стыдился этого... Наоборот — гордился ею...

Живя в Москве около какого-то согнувшегося от старости моста, Леонид Андреев прозвал мать свою «Соломоном с горбатого моста».⁷

И чем больше входил Леонид Андреев в славу — тем сильнее росло и крепло его чувство к той, которая так тонко и чутко умела подойти к его таланту... Его переживаниям....

Умела лелеять и ценить его...

Это были два друга, готовые в любую минуту отдать и жизнь один за другого...

Всю силу такой величайшей любви Леонид Андреев с изумительной четкостью передал в исключительном по силе рассказе своем «О семи повешенных», в сцене в тюрьме — сцене последнего прощания матери с ее приговоренным к смерти сыном, Сергеем Головиным, за несколько часов до его казни...

Передал в одной единственной фразе:

«Тут было то, чего нельзя и не надо рассказывать...».⁸

2

Семья Леонида Андреева, оставшаяся на его попечении после смерти отца, состояла, кроме него самого, из шести человек: матери, трех братьев — Всеволода, Павла и Андрея и двух сестер — Риммы и Зинаиды, которая умерла вскоре, двадцати одного года.⁹

Распродав в Орле все до нитки и расплатившись со всеми долгами, — Леонид Андреев, кроме двух учившихся в Орловской гимназии братьев, — остальных перевез к себе в Москву, где он был студентом университета.¹⁰

В вагоне, во время переезда в Москву, Леонид Андреев «зверски» пил, ему, по-видимому, тяжело было расставаться с памятью об отце.

С маленьким их домиком...

С садом, в котором каждый куст носил свое название... Расставаться и со своими сверстниками.

С ними перебирался в Москву и любимый мопс его, которого накануне сильно искусила чья-то собака... И тут, несмотря на свое невменяемое состояние, — Леонид Андреев в пути, на каждой остановке, выскакивал и набирал воду для ее компрессов.

3

Первое, самое прочное и единственное знакомство в Москве, завязалось у Андреевых с одним из московских учреждений, а именно... с ломбардом.

Этим учреждением «заведовала» у них только бойкая и весьма неглупая — Римма — сестра Леонида Андреева...

Она сносила в ломбард остатки привезенного ими из Орла скарба, выражавшегося только в единственных четырех предметах, а именно: в подушках, зеркальце,¹¹ новых, ее же, ботинках и... серебряной ризе с иконы, которая вскоре там и пропала как невыкупленная «роскошь» домашнего обихода...

За ботинки Риммы давали полтинник...

Чаще всего в ломбарде «отдыхали» — эти самые детские ботиночки и зеркальце...

Оценщик прекрасно знал уже девочку и закладываемые ею вещи, дневавшие и ночевавшие там.

Как-то, «не вытерпев», он решил состричь:

«Барышня! Сноса не будет вашим ботиночкам! Вырастете, а они все еще будут новенькие»...

Задал однажды ей и чисто «отеческий» вопрос:

«Скажите, барышня, во что же вы смотрите, когда ваше зеркальце находится у нас?!»

Маленькая Римма чистосердечно и добродушно ответила:

«Мне зеркальце пока не нужно!.. Я еще маленькая! А вот братья мои бегают на Кузнецкий и там смотрятся!.. В... стеклах витрин», — прибавила она.

4

Годы тягчайших лишений... Нищеты и настоящего голода начала испытывать семья с переездом в Москву, пока ее первенец — Леонид Андреев — заканчивал свое образование...

Эти тяжкие материальные условия переносились всей семьей весьма стойко и героически, причем все, как бы сговорившись, скрывали от старшего брата все лишения и нехватки, жестоко удручавшие и мучившие его.

Отдавая ему последний кусок, — они никогда не давали ему почувствовать, что сами они голодны.

Он, в свою очередь, обедая в студенческих столовых, довольствовался лишь супами, относя вторую половину обеда своего, даже, если это бывала селедка, матери своей.¹²

Это был самый тяжелый материальный период времени в жизни Леонида Андреева и его семьи, в особенности в доме Крейзмана, в Москве...

В стенах, залитых сыростью. В холоде и голоде... Сдавая две комнаты и сами живя в третьей и на кухне, имея одну лишь кровать, один стол и несколько простых деревянных стульев, — они укладывали на единственную кровать эту своего кормильца, несмотря на самые энергичные его протесты и возмущение, а мать с остальными детьми ложились на пол, дабы дать возможность любимому своему Леониду спокойно отдохнуть и продолжать учение...

Однажды я спросила сестру Леонида Андреева, Римму Николаевну, чем вызвано было такое исключительно бережное отношение их всех к Леониду Николаевичу, доходившее до настоящих самопожертвований...

И она просто ответила:

«Совсем ясно на этот вопрос я вам ответить не могу!.. Скажу лишь вам, что мы все как-то подсознательно, но безгранично верили и ему... И — в него!..»

Затем помолчала и закончила:

«Бывали моменты, когда после буйного его припадка, после излишне выпитого — на полу у нас лежали обломки всей нашей убо-

гой, по несколько раз уже чиненной мебели и посуды, и мать умоляла нас не убирать ничего, дабы он сам, протрезвившись, увидел, что он сотворил...

Но на утро, когда мы, обиженные, входили к нему, — не ему следовало просить у нас прощения, а нам хотелось припасть к нему... Обнять его... Поклясться, что ничего не произошло, — до того скорбное... взывающее о прощении... убитое горем лицо бывало у него...»¹³

.....
Жизнь Андреевых в этом доме Крейзмана — была целой жуткой эпопеей...

В этом доме сильно заболела, истощенная голодом, сестра Леонида Андреева — Зинаида.

Вторая сестра его, такая же маленькая Римма, побежала моментально в ближайший дом, за врачом, зная прекрасно, что визита врача оплатить нечем...

Прибывший врач, прежде всего, никак не мог уяснить себе, как помещение, в котором обитала семья эта, — жилое помещение...

Не менее ошеломляющее впечатление на него произвела и вся окружающая обстановка, главное — бытовые условия больной...

Уходя, он предложил прислать за лекарством к нему на квартиру. И снабдив пришедшую к нему Римму медикаментами, — он вскоре прислал Андреевым большой баул со всевозможной провизией. А на другой день — воз дров.¹⁴

В этом доме сестра Андреева — подросток, не раз тайком от всех, просила милостыню на улице, дабы поддержать семью...

В этом доме Леонид Андреев начал писать и случайные портреты, получая за них по пяти рублей.¹⁵

В этом доме, кроме всех несчастий, — Леонид Андреев переживал и свою личную, большую драму — неудачную, глубокую любовь к девушке, которая два раза ему отказывала, — ему, нищему студенту.¹⁶

В этом доме Леонид Андреев и пил жутко...

Не раз сильно буйствовал...

В этом доме он, схватив даже как-то близ лежащий топор, кинул его в сестру свою Римму, загородившую ему собой выход, не выпустившую его в таком виде на улицу...

И только безумный крик матери — крик ужаса — мгновенно привел Леонида Андреева к сознанию...

Он сразу как-то протрезвел.

Посмотрел на мать и сестру широко открытыми, полными отчаяния глазами... Согнулся, как бы от непосильной ноши... И со скорбным, полным муки лицом, тихо и безмолвно вышел.

В этом доме Леонид Андреев покушался на самоубийство.

В этом доме зародилась у Леонида Андреева и тема для гремевшей впоследствии пьесы его «Дни нашей жизни» — кошмарный сюжет которой он целиком взял из соседней, сдаваемой ими комнаты, где мать — пьяница — торговала телом единственной дочери своей Ольги, — скромной, прекрасной, запуганной и забитой ею — «Оль-Оль», как прозвал ее Леонид Андреев...¹⁷

В этом доме — всю тяжесть и беспросветность этих лишений переносили на плечах своих, главным образом, мать и дочь Римма.

Они, голодные и холодные, брались за всевозможные работы, дабы облегчить жизнь семьи... Не покладая рук, хватались за все, чтобы главным образом Леонид Андреев не замечал беспросветности этой жизни...

В конце концов, на безвыходное положение семьи обратила внимание какая-то «община»... Какое-то «попечительство»... Сделали обследование, после которого ежедневно семье Леонида Андреева выдавали — мясо, сахар и хлеб...

Многое пережито Леонидом Андреевым и его семьей в этом доме...

Много лет спустя имя Крейзмана часто еще упоминалось в семье Андреевых, как нечто невероятное...

Пугающее...

И когда, в период полной материальной обеспеченности и Леонида Андреева и всей опекаемой им семьи, кто-либо из домашних выражал недовольство, — достаточно было Леониду Андрееву спокойно спросить:

«А к Крейзману хотите?!» — как все несчастья сразу же улетучивались и настоящая жизнь казалась — сплошным раем¹⁸...

Все было в прошлом...

Когда Леонид Андреев стал уже известным писателем и обладателем крупного состояния, — отвергшая его большую любовь девушка вдруг «спохватилась» и вдруг сама «воспылала» к нему «безумной любовью».

Леонид Андреев, по ее просьбе, встретился с нею, решив проверить свое чувство... Но, к великому ее изумлению, на сей раз он оказался безответным.

Узнав тут же, в конце разговора, что она сильно бедствует и больна, — Леонид Андреев, не встречаясь с нею больше никогда, — долгое время поддерживал ее материально, пока в конце концов она не пропала бесследно¹⁹...

5²⁰

По окончании университета Леонид Андреев, в качестве помощника присяжного поверенного, стал вести поручаемые ему судебные дела, но как он сам, смеясь, рассказывал, «систематически проваливал их».

Вскоре он бросил совсем это занятие и перешел на амплу судебного хроникера, давая тонкие, психологические отчеты, вернее, очерки, в московские газеты.²¹

Там же он начал печатать и свои маленькие рассказы, мечтая о славе художника, но не писателя...

Стал и пить значительно меньше...

Литературная карьера Леонида Андреева началась очень быстро — с момента появления одного из первых же его рассказов, «Бергамот и Гераська»,²² обратившего на себя внимание и критики и читающей публики...

По выходе в свет первого тома его произведений — Леонид Андреев становится уже известностью и входит в ряды крупных русских писателей.²³

Его многочисленные последующие рассказы, в особенности — «Рассказ о семи повешенных», о котором писали, что рассказ этот: «одно из более потрясающих созданий русской литературы» — все более и более укрепляли за ним его славу и имя, ставя его уже в ряды русских классиков и крупных европейских писателей.

Бесчисленное количество гремевших пьес его: «Анатэма», «Жизнь человека», «Черные маски», «Тот, кто получает пощечины»²⁴ и т. д., и т. п. — не сходили с репертуара театров России. В Москве же они шли преимущественно в постановке Художественного театра.

Изю всех произведений Леонида Андреева, кроме «Бездны»²⁵ и «Красного смеха»,²⁶ на меня ошеломляющее впечатление производил рассказ его «Христиане».

Описывая настоящих дикарей — судебный персонал — дикарей, приводящих на суде в «христианство» проститутку Караулову, — не обвиняемую даже, а простую свидетельницу — Проститутку, стоящую морально неизмеримо выше своих судей — Леонид Андреев тонко, но с несокрушимой силой заставляет читателей своих глубоко призадуматься над следующим моментом рассказа этого, в котором проститутка обращается к «спасителям» своим:

«Вы говорите тут: „молиться“... Да о чем молиться-то?! Того света я не боюсь — хуже не будет, а на этом свете молитвою много не сделаешь... Молилась я, чтобы не рожать, — родила... Молилась, чтобы ребенок при мне жил, — а пришлось в воспитательный отдать. Молилась, чтоб хоть там пожил, — а он взял да и помер... Мало ли о чем молилась»...

И заканчивает рассказ свой Леонид Андреев:

«Караулова вздохнула, слегка качнула головой, блеснув золотыми обручами серег, и просто добавила:

— Двугривенный я тут уронила — поднять можно?!»

Ни зал суда... Ни громогласно объявленная всем присутствующим ее профессия... Ничто не смутило Караулову... Ее смутил лишь потерянный ею... двугривенный...

В этой последней фразе Леонид Андреев дает кошмарную картину того беспросветного тупика, в который безвозвратно зашла уже проститутка, окончательно умерщвленная «христианами» вроде ее «судей».²⁷

6

С первых же шагов литературной деятельности Леонида Андреева... С момента первого его брака — я зорко следила за ним... Его личной жизнью... Его творчеством...

Следила до последних дней его жизни... Он этого не знал. Не знал, что в моем лице у него была одна из самых верных и надежнейших его поклонниц, которая, несмотря на дальность расстояния, все о нем знала... Все с ним вместе переживала, неустанно следя и за мечущимся духом его...

Третий тяжелый удар, который пришлось Леониду Андрееву пережить, после смерти отца и отказа любимой девушки — была смерть — нелепейшая и несправедливейшая смерть его Шурочки — первой его жены, Александры Михайловны, трагически погибшей за границей от заражения крови, после родов...²⁸

Смерть эту Леонид Андреев переживал тяжело и мучительно, и я лично думаю, что она, несомненно, наложила определенный отпечаток на всю его психику... На всю его впечатлительную и восприимчивую натуру... На все его дальнейшее творчество...

Александра Михайловна — вернейший и бескорыстнейший друг Леонида Андреева — беззаветно отдавала всю себя для поддержки его, тонко понимая и чувствуя, что в лице Леонида Андреева — с нею незаурядная, большая фигура человека-писателя, к которому она и подохла с глубочайшим уважением... Нежностью. И преданностью, бережно и самоотверженно охраняя его...

В результате, при ней Леонид Андреев и пить стал меньше.

Вот почему Андреев и впал, после ее смерти, в безысходную тоску...

Запил...

Зашел как бы в тупик...

Он чувствовал, что другого такого друга ему не найти, что впоследствии и оправдалось...

7

Сейчас передо мной лежит фотографическая карточка Леонида Андреева, подаренная им сестре своей, Римме Николаевне, в 1915 году.

Он заснят сидящим в кресле и смотрящим пытливым, серьезным, умным взглядом далеко куда-то вдаль, с изумительно скробным выражением лица...

И под карточкой этой, характерным его, будто печатным, почерком следующая надпись:

«Так смотрю я<, > Рыммискин<, > на жизнь.

Для тебя и улыбнулся бы, да не выходит.

Твой Леонид».²⁹

Эта жуткая надпись вылилась у него в тот момент, когда у ног его была уже и слава... И имя... И головокружительный успех... И неиссякаемые средства...

Когда с ним были все здравствующие, любимые им и близкие его сердцу.

Когда и сам он был полон сил... Здоровья... И энергии...

В нем была несомненно какая-то «трещина», которая не давала ему ни жить... Ни творить... Ни смотреть на мир спокойно...

«Трещина», которая жгла его сердце, разум... И мысли...

Он несколько раз покушался на самоубийство...

Искал забвение в спорте... Живописи... Природе...

В вине... Но и здесь его не находил...
Он все искал чего-то, но так и не нашел³⁰...

Впоследствии Леонид Андреев страдал запоем.

В такие моменты он обычно уходил в свой кабинет. Запирался там наглухо. И не пропускал к себе никого.

Единственная мать, караулившая его дни и ночи, как-то умела проскальзывать к нему, когда он выходил из кабинета... Умела незаметно сносить ему и еду, но все это делалось ею, хотя и скорбно, но безмолвно... Безо всяких укоров, советов и наставлений...

Она, эта полуграмотная и некультурная, казалось, женщина, — каким-то высшим чутьем и пониманием умела воспринимать и такое даже душевное состояние сына.

Но бывали и другие случаи в период запоя Леонида Андреева — он исчезал, и исчезал надолго.

Тут уже ничто не помогало — никакие поиски, так как Леонид Андреев систематически менял свои «убежища», для того именно, чтобы его не находили...

Такие исчезновения сына всякий раз бывали для матери смертельными ударами, но все это мгновенно ею забывалось, когда «ее» писатель возвращался домой и возвращался целым и невредимым.

Много лет тому назад Лев Толстой по поводу какого-то произведения Леонида Андреева, кажется, его пьесы «Черные маски», написал:

«Он меня пугает, но я его не боюсь»³¹...

В творчестве своем Леонид Андреев был наиболее ярким изобразителем своей эпохи... Мистиком. Писателем, терявшимся в исканиях. Полным разлада с самим собою. Не верящим ни в кого и ни во что... Бунтовщиком...

Писателем, мучительно переживавшим и сам все в творчестве своем...

Мучившим не только себя, но и читателей своих...

Каким-то невольным садистом, но он был человеком безусловно честным во всем, даже в своих заблуждениях...

8

Много злостных слухов и легенд ходило и про Арцыбашева³² и про Куприна, в особенности...

Не забывали и Леонида Андреева... Но о нем злословили значительно меньше, так как он внушал к себе неоспоримое уважение товарищей, ничем не подрывая своего авторитета...

Среди писателей говорили и не раз о его запое, но в большинстве всегда с глубоким сожалением, но много говорили о его порядочности, радушии и гостеприимстве, а главное — о его внимательном, чутком и бережном отношении к товарищам своим по перу...

Но однажды заговорили все и надолго...

Заговорила и печать...

Это был случай, произошедший на квартире артиста Н. Н. Ходотова³³ в Петербурге, в одну из обычных его вечеринок, на которой

среди присутствующих писателей и артистов был и Леонид Андреев и Куприн....

И вдруг, в самом разгаре «бала» — произошла драка между Андреевым и Куприным...

Самый факт драки был весьма несложен. Хотя и весьма оригинален: Куприн сидел на диване и, когда Леонид Андреев проходил мимо, — Куприн выставил вперед свою «ножку»... И выставил ее так, что не заметивший этого «красивого жеста» Леонид Андреев... споткнулся. И упал...

Казалось бы — и этого достаточно...

Но Куприну так не казалось...

Он — Куприн — автор таких рассказов, как: «Суламифь», «Гранатовый браслет» и множества других... Рассказов, полных нежности, изыскания и красоты... Вызывавших не раз и слезы на глазах читателей, — он — Куприн, в мгновение ока, как дикий зверь, учувший добычу, сорвался с места... Набросился на упавшего Леонида Андреева...

И начал наносить ему удары...

Начал душить...

Андреев поднялся и ответил Куприну тем же...

Получилось «побоище»...

Присутствующие моментально разделились на два «враждебных» лагеря — поклонников Андреева и поклонников Куприна — и бросились разнимать «воюющие» стороны, здесь же «кстати», сводя и свои личные, старинные счеты...

Это побоище было побоищем не «простых смертных», а людей отменных «перстом божим» — людей литературы и искусства...

По рассказам участников — «побежденных» не оказалось — были одни лишь «победители», несмотря на явные кровоподтеки и ссадины...

Эта история до жуткости напоминает мне моего маленького и щедедушного когда-то сына, который, возвращаясь из школы домой, часто весь избитый и помятый, на мои истерические выкрики, что «вновь моего сыночка побили», — еле дыша, но все же весьма гордо, смотрел на меня и каждый раз, не дрогнув, кидал мне:

«Не плачь! Я их всех разбросал во все стороны!..»

И вот это неизменное: «разбросал во все стороны» сразу осушало мои слезы обиды за малыша, и я начинала истерически хохотать от наглости и хвастовства побитого...

А побитый, еле передвигая ноги, также гордо и с сознанием собственного достоинства — выползал из комнаты... Шел к себе в детскую... Укладывал свое помятое маленькое тельце под кровать, в самый темный угол ее...

И там, в тиши, темноте и одиночестве, заливаясь крупными и безмолвными, но «гордыми» слезами, переживал «сладость» и «славу» своих «побед»...

Так было и в данном инциденте...

Печать того времени, широко оповещавшая все читающее население России об этом «из ряда вон выходящем в истории литературы» случае — ради увеличения тиража, — всюду раздувала этот оскорбительный, для обоих писателей, момент³⁴...

Но достаточно было и самого этого факта, чтобы глубоко над ним призадуматься и уяснить себе настоящую его причину и подоплеку...

Общее мнение о канве происшедшего было так же, как и само происшествие, весьма просто и весьма несложно:

«Куприн был сильно выпивши».

«Куприн был зачинщиком».

«Куприн завидовал славе и успехам Леонида Андреева»...

Что Куприн был «зачинщиком» — об этом догадывались даже дети...

Что Куприн был сильно выпивши, не было тайной и для взрослых.

Но что причиной драки была: «зависть Куприна к литературным успехам Леонида Андреева» — тут уж я, самым категорическим образом, протестовала. Такого чувства — чувства зависти к чужому таланту — у Куприна никогда не существовало...

Наоборот, в нем было одно из редчайших качеств в писателе: радость, поклонение и восхищение чужим, настоящим дарованием, в подтверждение чего и привожу неопровержимые доказательства, в своих воспоминаниях о Куприне³⁵...

Кроме того, считаю, что и у Леонида Андреева, и у Куприна было вполне равноценное имя среди читающей их публики — я бы сказала, что у Куприна оно было даже более популярным, чем у Леонида Андреева, — так как творчество Куприна было более доступным и более понятным широким массам...

Вот почему я, самым решительным образом, и протестовала тогда, в той именно части обвинений, где весь этот инцидент объясняли лишь Куприновской (так! — *Л. И.*) завистью к литературным успехам собратьев по перу, считая, что в этом печальном и неестественном инциденте должна лежать какая-то другая причина, что впоследствии и подтвердилось при ближайшем тесном общении моем с Куприным, что я и описываю детально в воспоминаниях моих о Куприне.³⁶

На Леонида Андреева инцидент этот подействовал весьма удручающее (так! — *Л. И.*), вернее ошеломляющее впечатление, и он очень долгое время не пил³⁷...

Куприн также угнетен был произошедшим³⁸ и также очень долгое время... опохмелялся...

Но драка — была... Факт оставался фактом... Слова из песни не выкинешь.

9

В десятом году, в Севастополе, где мы всей семьей проводили лето, — Леонид Андреев оказался соседом нашим по гостинице.

Узнали мы о его приезде случайно и весьма оригинально — один из наших знакомых, зайдя к нам как-то днем, сообщил, что сейчас в витрине окна одного из магазинов готового платья выставлена

записочка следующего содержания: «Здесь сегодня купил пальто Леонид Андреев».

Мы искренно посмеялись, но, конечно, не поверили, высмеивая шутку нашего приятеля.

Он очень обиделся и предложил кому-либо из нас пройти с ним и проверить.

И хотя весь Севастополь с горсточку, — все же идти по безумной жаре никому из нас не хотелось, и муж мой решил анекдот этот проверить остроумнее — он начал звонить по телефону по всем гостиницам Севастополя и наводить справки.

И вдруг, в одной из них, именно по соседству с нами, он услышал утвердительный ответ, а вслед за тем и голос самого Леонида Андреева, вызванного мужем, тут же, к телефону.

Андреев очень обрадовался звонку и тотчас начал звать к себе... Сообщил также, что «в Севастополе он пробыл лишь сутки и через два часа уезжает обратно, к себе»...

Я иди к Леониду Андрееву, к глубокому моему сожалению, не могла, так как мой старший десятилетний сын,³⁹ не тот, которого «били», а тот, который сам всех избивал, — лежал в Морском госпитале, с попаренным негашеной известью лицом, в особенности глазами, попаренными во дворе нашего дома одним из рабочих, который сам же, привлеченный полицией к ответственности, на суде заявил, что: «попарил за то, что мальчишка приставал к нему с бесконечными вопросами»...

Я дежурила в госпитале и дни, и ночи, сменяемая лишь на два часа в сутки сестрой милосердия, дабы иметь возможность забежать домой.

Андреев очень тепло и радушно встретил мужа. Безудержно смеялся, когда муж рассказал ему об «анонсе», выставленном в витрине магазина, так «оригинально» извещавшем о его приезде...

Взяв слово, прощаясь, что мы приедем к нему в Финляндию, с детьми, погостить...

И уехал.

.....
Тут я должна описать и один небезынтересный и характерный для Леонида Андреева момент: в гостинице, когда зашел разговор о литературных перспективах обоих, — мой муж рассказал Леониду Андрееву, что «сейчас» им «закончена новая повесть „Как они умирали“»...

Леонид Андреев в ответ не отделался обычными товарищескими фразами, а предложил дать ему рукопись эту с собой, для прочтения. Кроме того, он сам предложил заехать за нею к нам домой, вместе с провожавшим его на вокзал мужем.

10

С поразительной быстротой — не прошло и десяти дней, как с севера на юг пришло коротенькое письмо Леонида Андреева, со вложенным в него письмом и от В. Г. Короленко:

«Многоуважаемый
Сергей Александрович.

С радостью посылаю Вам письмо Короленко. За карточку спасибо, посылаю свою. Не могу писать много, чувствую себя нездоровым.

От души жму руку и желаю дальнейшего успеха.

Ваш
Леонид Андреев.

Финляндия. 24 июля 1910 г.»⁴⁰

И со вложенной в это же письмо прекрасной его фотографической карточкой, со следующей надписью:

«Сергею Александровичу Гарину
с сердечной приязнью

Леонид Андреев.

Финляндия. Черная речка.
1910 г.»⁴¹

Через несколько дней пришло второе письмо Леонида Андреева,⁴² более обстоятельное, в котором он сообщал мужу все подробности: по прочтении им повести «Как они умирали» он решил отдать ее в сборник «Знание», но гостивший у него в это время В. Г. Короленко, также читавший ее, предложил Андрееву отдать повесть эту ему, для напечатания в его журнале «Русское богатство», где Короленко был тогда редактором.

Заканчивая это письмо, Андреев спрашивал мужа, «как поступить в данном случае», давая тут же свой искренний, товарищеский совет «отдать рукопись эту Владимиру Галактионовичу Короленко», объясняя тут же, что он лично считает появление повести в журнале «Русское богатство» более ценным и важным, чем появление ее в сборнике «Знание»...

Мой муж тотчас же ответил Андрееву телеграммой, полной благодарности за внимание, а также и согласием.⁴³

Вскоре пришло второе письмо и от В. Г. Короленко, с подтверждением желанья приобрести эту рукопись.⁴⁴

Так повесть «Как они умирали», выхваченная из быта и жизни русско-японской войны, и появилась вскоре в журнале «Русское богатство».⁴⁵

Этот маленький факт, ярко и бесспорно, рисует Леонида Андреева с лучшей стороны — и как человека, в высшей степени доброжелательно относившегося к своим собратьям по перу, и как человека, имевшего одно из самых редких качеств среди представителей литературной братии, — он был человеком слова...

11

Яркая и характерная встреча моя с Леонидом Андреевым была следующая.

Как-то, приблизительно в тринадцатом году, Леонид Андреев приехал в Москву и сообщил по телефону, что заедет к нам...

Ни для кого в мире, кроме семьи моей, я не убирала и не терла никогда так усердно мебели и всего домашнего скарба своего, как к приходу Леонида Андреева... И вдруг... замерла.

Бросив моментально всю эту ненужную уже сейчас уборку, я села слушать звонок...

И когда он раздался — я быстро кинулась к двери и, не подавая руку стоявшему передо мной на площадке лестницы Леониду Андрееву, — прекрасно и приветливо улыбающемуся — красная, как пион, растерянно сказала:

«Ради Бога, Леонид Николаевич, простите!.. Впопыхах я забыла сказать Вам, что у детей моих корь и в довольно сильной степени...<...> А у вас... дети!..» — закончила я.

Андреев улыбнулся, как бы не придавая значения этому, но все же как-то нерешительно спросил:

«Может быть, это не так уж и страшно?!»

Несмотря на все мое желание посидеть с ним и побеседовать, — я не могла взять на себя подобной ответственности и, ничего на вопрос Андреева не отвечая, продолжала стоять на площадке...

Андреев подробно расспросил о всех нас.

О литературных делах мужа... Взял с меня слово, что как только дети поправятся, мы все приедем к нему в Финляндию, погостить...

И вдруг сказал:

«За последнее время я многое о вас узнал!..»

«Воображаю! — рассмеялась я и резко добавила. — Делать им всем нечего!»

«Вы предполагаете, очевидно, что я узнал о вас что-либо плохое?!» — спросил Андреев.

«Не предполагаю, Леонид Николаевич, а прекрасно знаю!..» — уверенно ответила я. «Я знаю все гадости, которые говорятся и про меня!.. И про вас!.. И про всех остальных, то есть друг про друга!..»

«Значит, вы не верите в дружбу?!» — пытливо смотря на меня, спросил Андреев.

«Нет! Нет! Не верю!.. То есть, почти не верю! — поправилась я. — И знаете что, Леонид Николаевич, это мое неверие „в друзей“ очень облегчает мне жизнь, так как у меня меньше убийственных разочарований».

Совершенно случайно я попала в точку.

«Да, это великое дело уметь, именно — уметь не обращать внимания на предательство друзей! — медленно сказал Андреев. — А вот я... не умею!» — и, подчеркивая эти слова, он развел руками.

И вдруг замолчал... Задумался... Осунулся даже как-то и кинул, но уже не мне, а в пространство:

«Предательство друзей!»

Я поразились.

В этот момент для Андреева никто не существовал.

Он думал о себе... О том, как много говорят и пишут о нем...

Как безобразно и беззастенчиво не раз говорят и пишут о нем люди, завидовавшие его таланту... Его успехам... Его имени... Травившие его систематически, прикрываясь иногда и псевдонимами, но продолжая, они же, тут же, посещать его и пользоваться его до-

верием, гостеприимством и дружбой, что не раз, когда он узнавал, — убивало его... Выводило на долгое время «из строя»...

Эта наша пауза, хотя и мгновенная, произвела на меня удручающее впечатление, но надо было не показать и вида, что я догадываюсь о столь тяжком и несомненно навязчивом его переживании и, переведя быстро на другую тему разговор наш, который уже не клеился, — мы расстались...

Я вошла в квартиру растерянной — так сильно и больно поразил меня в Леониде Андрееве этот молниеносный переход от бодрости, жизнерадостности и улыбки — к мрачности, подавленности и упадку...

.....
Зависть к литературным успехам... Славе... И благополучию Леонида Андреева нередко, действительно, не давали покоя многим из писателей и проявлялись весьма и весьма пошло, цинично и мелко даже в печати...

Бульварная пресса вообще и всегда цепко «хваталась» за «материалы» о писателях, не забывая и никогда никого не задевавшего Леонида Андреева, имея и о нем всегда, во всех случаях его жизни, «ценные сведения»⁴⁶...

Привожу маленький пример.

Когда после премьеры одной из пьес Леонида Андреева критика («приятели») обрушилась на него, одна из «газеток» напечатала следующее:

«Близкие прячут от Леонида Андреева газеты»... (понимай, как хочешь!).

Сидя за столом, в кругу домашних, Андреев нашел эту заметку и громко прочел ее следующим образом:

«Близкие прячут от Леонида Андреева газеты, а также... ножи и вилки!»

Затем посмотрел на сервированный к обеду стол и прибавил:

«Уберите и... огурцы!»⁴⁷

.....
Для спокойствия домашних Леонид Андреев даже острил, читая подобные «шедевры», но в глубине души своей, он переживал все это весьма болезненно⁴⁸...

Как-то мне пришлось быть свидетельницей любопытной сценки: мы сидели небольшой компанией у нас...

Был и Арцыбашев.

Заговорили о Леониде Андрееве.

Сидевший с нами, один из ярых и верных поклонников Арцыбашева, Владимир Ленский,⁴⁹ бравурно и с умышленной иронией кинул:

«Андреев окончательно погряз уже в своем грандиозном замке! Скоро погрязнет и в своем грандиозном творчестве!..»

Семен Юшкевич,⁵⁰ сидевший тут же, вскочил и, багрово-красный, крикнул:

«Не волнуйтесь за Андреева!.. Ему — ничто не грозит! А вот нам с вами надо серьезно над собою призадуматься!..»

Юшкевич в защиту Андреева даже самого себя впутал в компанию Ленского.

В этой главе я хочу дать ряд моментов, которые, хотя, может быть, и немного, но все же дадут картину взаимоотношений в семье Леонида Андреева.

В расцвете славы — семья его состояла уже не из шести, а из двадцати с лишним человек старого и молодого поколения.

Леонид Андреев по-прежнему продолжал баловать, опекать и поддерживать всех их, без исключения, до конца жизни своей, с обычной теплотой, вниманием и чуткостью, равно относясь и к новым, входившим в его семью родственникам своим, независимо от степени их родства, не переставая быть и им — первым утешителем в их житейских горестях... И справедливейшим и мудрым судьей в их маленьких семейных неурядицах...

Он пользовался в семье своей громадным авторитетом, которого он никогда не уронил.

По натуре своей, Леонид Андреев был очень остроумен. Любил подшучивать, в особенности же любил всех «разыгрывать».

Больше всего всегда «попадало» матери...

Очень часто, играя в шахматы, братья «хулиганили», придумывая проигравшему умышленно какой-то головокружительный акробатический «трюк».

Зная об этом мать, всегда зорко следила, чтобы «трюк» не выпадал на долю ее любимца «Коточки»... И если Леонид Николаевич иногда проигрывал, — он принципиально, тут же, свой номер всегда и выполнял, причем мать, стоявшая рядом, чуть ли не со слезами на глазах, под ласковый и дружеский смех сыновей, умоляла:

«Да перестаньте! Довольно уже!.. Ведь Коточка писатель!.. Ему можно и не выполнять!..»

Однажды на долю проигравшего партию Леонида Андреева выпал исключительно вероломный, «эквилибристический» «номер» — ползти под пятью стульями...

Леонид Андреев, сам же этот ехидный номер и придумавший, честно взялся, под громкий смех братьев, за его выполнение, все же лукаво, из-под стульев, поглядывая на мать...

Мать, начав свое обычное «наблюдение» со слов «Коточка — писатель», — уже со второго стула начала взволнованно пришептывать:

«Павлуша! Андрюша! Да ведь Коточка прополз уже два стула!.. Довольно!.. Больше нельзя!..»

«Пусть ползет!» — раздался в ответ умышленно серьезный голос одного из братьев...

«Как это „пусть ползет“?! Да нет же, так нельзя! Ведь это писатель!.. С него и этого хватит!..»

Леонид Андреев «исполнение номера» на время таких переговоров обычно приостанавливал и выжидал — кто победит?! Но братья бывали обычно «несокрушимы», почему и на сей раз вновь раздался грозный голос одного из шахматных «гроссмейстеров»:

«Писатель — не писатель, а проиграл!.. Пусть ползет дальше!..»

Но было поздно — замечательная мать эта, так оберегавшая и опекавшая «своего» писателя, — в мгновение ока, под общий хохот, — разбросала уже аккуратно составленные в длину стулья, помогая «спасенному» сыну своему подняться с пола...

* * *

В выборе женихов сестры своей Риммы Николаевны — Леонид Андреев также принимал деятельное участие...

По окончании университета Леонид Андреев, как я писала выше, мечтал о славе художника и, будучи уже знаменитым писателем, он все же не бросал кисти и красок, создавая постепенно свою собственную картинную галерею...

Из виденных мною произведений его кисти мне более всего нравилась бесподобно написанная им пародия на икону «Святой Исая»...

Вся фигура «святого», мастерски изображенная Леонидом Андреевым, — была сплошным «кощунством»...

Глаза «святого» были — глаза перворазрядного жулика... Нос — «горчайшего пьяницы»...

Лицо — отъявленного развратника... И к довершению всей «святости» — рога.

И вот, этой самой «иконой». Этим самым «святым» — Леонид Андреев торжественно благословил на брак сестру свою, Римму Николаевну, давая тут же ей совет: «убрать эту икону подальше, дабы святой не развращал своим видом молодоженов...»⁵¹

* * *

От своих поклонников и поклонниц Леонид Андреев получал громадную корреспонденцию.

На серьезные письма, касавшиеся литературы, он обычно отвечал...

Так завязалась у него переписка и с одной из многочисленных его провинциальных читательниц, которая однажды, в одном из писем, совершенно неожиданно, вместо литературы, разоткровенничалась и преподнесла Андрееву, что «любит его безумно!»... «Жить без него не может!»... И что он: ее «орел!» Она — его «орлица!»...

На это послание Леонид Андреев не ответил...

Вслед за первым «откровенным» письмом вскоре пришло и второе, не менее «откровенное», но уже не от «орлицы», а от ее мужа — отставного орла, в котором последний сообщал, что «орлица покидает его навеки и выезжает к Андрееву, в Финляндию».

Андреев растерялся... Но «придя в себя», он послал бывшему орлу срочный ответ, полный клятв и уверений, что «у него есть уже и орлица и орлята»... И что: «нового гнезда он пока вить и не собирается»...

Как-то, уехав один за границу, Леонид Андреев сильно заскучал без матери и выписал ее к себе, в Швейцарию...

Несмотря на полное незнание иностранных языков... Несмотря на боязнь, в ее годы, далеких путешествий... Несмотря ни на что — эта мать в мгновение ока, легко и радостно, собралась в неведомые края, к своему верному, испытанному «Ромео».

Провожавшие сильно волновались за мать, но, ко всеобщей радости, в вагоне рядом случайно оказалась одна из знакомых, ехавшая также за границу, но только до Берлина. Условились, что в Берлине знакомая придет в вагон к Андреевой и сама пересадит ее в швейцарский поезд.

Снабдив старуху собственным, составленным семьею, специальным путеводителем — немецких слов и наименований — русскими буквами, они тут же отправили телеграмму Леониду Андрееву о выезде матери...

Когда кондуктор крикнул «Берлин», — старуха мать, не дожидаясь помощи своей «опекунши», схватив свой маленький багаж, стремительно выскочила из вагона и затерялась в толпе.

Берлин имеет несколько остановок — она выскочила на первой, на которой ей и не следовало выходить...

Когда мать Леонида Андреева спохватилась, — поезд с «опекуншей» уже тронулся...

Среди чужих и чуждых ей людей, не найдя сына, старуха-мать бросалась растерянно во все стороны, всех останавливая, всех так же растерянно спрашивая:

«Как мне найти моего сына — писателя?!» «Да Леонида!» «Да, Андреева!?!» «Что же вы все не знаете?!» — волновалась и убивалась она, но в ответ все были безмолвны — никто ничего не понимал...

И только когда случайно подошла какая-то девушка, оказавшаяся русской курсисткой, — она приняла в Андреевой деятельное участие и усадила ее, убитую горем, в швейцарский поезд, дав ей точные указания и разъяснения, где и когда выйти.

Но это — не конец...

Когда поезд тронулся, — в проходящем мимо, встречном — опечаленная мать, из окна вагона, случайно увидела своего «Коточку», мчавшегося уже на ее поиски...

Он ее также увидел и на ее крики — крикнул ей, чтобы она ехала дальше, не выходя из вагона, до последней остановки...

Но она решила иначе и слезла вновь, на первой же остановке, чтобы скорее повидать своего любимца.

Но «любимца» и здесь не оказалось.

И вновь она бросалась во все стороны... Вновь всех останавливала, всех спрашивала... Но на сей раз русских не оказалось, и только начальник станции, подойдя к ней, заливавшейся слезами, ласково уговорил ее, на ломаном русском языке, пройти к нему и подождать сына, который, как он объяснил, разослал уже на все остановки телеграммы, с просьбой приютить до его приезда его старуху-мать⁵²...

Не «признавая» многих букв в русском алфавите, — мать Леонида Андреева никак примириться не могла, что слово «бабка» пишется с буквой «а», а не «о», вследствие чего, подписывая письма свои — у нее выходила всегда «бобка», вместо «бабка».

Леонид Андреев решил однажды и здесь посмеяться и разыграть свою мать, и в отправляемом ей как-то письме он приписал: «Мы все ждем тебя, нашу мать, Моть и бобку»...

Сделавшись заправским фотографом-любителем, Леонид Андреев своим «фото-жертвам» придумывал обычно всевозможнейшие, остроумные и юмористические позы и положения...

Так, однажды он заявил матери, что хочет заснять ее «Королевой», и для этой цели предложил ей сделать и соответствующее этому высокому «посту» выражение лица...

Старуха мать подчинилась... Перестала улыбаться и... нахмурилась...

В роскошном кабинете сына... В стильном кресле... В ситцевом клетчатом платье — она для большей королевской осанки и руки свои положила на животе...

Леонид Андреев опытным глазом фотографа посмотрел на нее и, еле сдерживая смех, радостно поощрил ее позу.

Затем справа поставил брата своего Павла, вооруженного ружьем, ножом и тому подобное... Стал слева сам, вооружившись с ног до головы «кинжалами, винтовками и другими рыцарскими доспехами»...

Сестру Римму и жену свою поставил за спинкой кресла, удекорировав и их и кресло матери лентами и бумажными гирляндами...

Дал им в руки громадный столовый абажур, который заставил их держать над головой матери, вместо королевской короны...

У ног ее усадил маленького «пажа» — ее внука...

И так и заснял весь этот «именитый королевский двор», над изображением которого — я много впоследствии посмеялась.³³

13

Горячо любя семью свою, Леонид Андреев, как я пишу выше, не менее любил и «разыгрывать» их всех...

В особенности мать свою...

Обычно она искренно радовалась, что ее Коточка «балуется».

Но иногда это баловство кончалось и слезами...

Так, однажды, во главе с Леонидом Андреевым, участие в розыгрыше матери приняла и вся семья...

Леонид усадил ее и преподнес:

«Мать, а ты знаешь, что сегодня, обсудив на семейном совещании все вопросы, — мы поняли, что мы не твои дети... А ты — не наша мать!»

Мать начала смеяться, но, по мере дальнейших слов сына, — лицо ее начало понемногу подергиваться и вытягиваться... Он продолжал:

«Так, например, — ты мало уважаешь и ценишь меня — писателя!.. Мало уважаешь и ценишь Андрюшу — репортеришку!.. Не уважаешь и не ценишь Римму, выдав ее замуж не за генерала, а за какого-то архитекторишку!.. Да и вообще, ты относишься ко всем к нам отвратительно!.. И все это только потому, что мы не родные дети твои, а подкидыши!..»

Говорил все это Андреев так артистически серьезно и так мастерски подыгрывали ему и остальные члены семьи, что мать вдруг приняла все это всерьез, и, заливаясь горчайшими слезами, начала уверять их всех, что это — не так!.. Клясться, что они — родные ее дети!.. Вспоминать и даты их рождений!.. И крестных их отцов и матерей!.. И тому подобное...

И только общий громкий хохот заставил ее понять, что это шутка...

Очередная, коварная шутка ее любимца⁵⁴...

Но когда мать эта заболела, — он садился у ее изголовья и мир переставал существовать для него... Он не мог в такие минуты ни писать... Ни работать... Ни думать...

Переставал и пить... И... жить...

* * *

В Москве к нам часто заходил и младший брат Леонида Андреева — Андрей Николаевич.

Культурный... Скромный... Тихий, но с большими наклонностями к путешествиям и приключениям. Наружно он немного и похож был на старшего брата...

Работал Андрей Николаевич в московских газетах, обладая скромными литературными способностями.⁵⁵

Главной темой наших разговоров был Леонид Николаевич, причем младший брат весьма красочно и умело рассказывал нам всевозможные эпизоды из жизни брата своего — писателя, рассказывал тепло и с большой любовью...

Просиживали мы обычно далеко за полночь, частенько заливаясь искренним смехом над тонким юмором Леонида Андреева.

Больше всего мне понравилась история, произошедшая с Леонидом Андреевым в Финляндии, на митинге, в 1906 году.

К моменту выступления Леонида Андреева — у него в руках оказался зонтик, с которого ручьями лилась вода... Одна из присутствующих на митинге девушек подошла к нему и предложила дать ей зонт этот подержать на время его выступления...

Андреев, приятно польщенный подобным вниманием, зонт отдал.

Когда митинг закончился и Андреев, после шумной овации, устроенной ему аудиторией, стал уходить, — девушка, охранявшая зонт, подошла к нему и, крепко прижимая мокрый зонт к сердцу, попросила Андреева «подарить ей его на память»...

Андреев любезно согласился, но, отойдя несколько шагов, вдруг остановился, как вкопанный...

Остановились и идущие с ним...

«Вы знаете, что произошло?! Зонт-то я подарить — подарил, но не свой, а... гувернантки!»

Все расхохотались.

Он постоял еще немного, растерянный и смущенный, и добавил: «Ради Бога, не рассказывайте ей этого никогда!»⁵⁶

Рассказал Андрей Николаевич и следующие моменты, которые запечатлелись в моей памяти.

Изю всех анекдотов, которые когда-либо пришлось Леониду Андрееву слышать, он чаще всего вспоминал не тот, который вызывал на устах улыбку, а тот, который приводил его в тяжелое уныние:

В одном из английских городов стоит памятник поэту Роберту Бернсу, безо всякой надписи...

Кто-то из пугешественников, не зная, кому воздвигнут этот памятник, спросил близ стоявшего мальчика:

«Не знаешь ли ты — кому поставлен этот памятник!?»

«Роберту Бернсу!» — последовал ответ.

«А за что?»

«За то, что он... умер!» — невозмутимо пояснил мальчуган.⁵⁷

Леонид Андреев очень критически относился к своему творчеству (весьма редкое явление среди писателей) и еще чаще бывал недоволен и собою и своими произведениями. Это было не показным, а настоящим его мучением... Горением и самобичеванием...

Как-то, после шумного и вполне заслуженного успеха известной его пьесы «Дни нашей жизни», — брат его Андрей с грустью сказал:

«Как жаль, что отец не дожил...»

Но Леонид Андреев не дал брату продолжить мысль и закончил ее собственной:

«Ты знаешь, что сказал бы отец: „Только-то и вышло из Леонида?! Я ожидал большего!..“».⁵⁸

14

Вернувшись в двадцать первом году из заграницы,⁵⁹ я узнала от сестры Леонида Андреева — Риммы Николаевны — все подробности столь неожиданной и горестной смерти ее талантливейшего брата⁶⁰...

Когда нагрянула революция, — Леонид Андреев, находившийся в Финляндии, не поверил в нее...

И отрезал себе все пути возврата в Россию...

Постоянно находившиеся при нем средства иссякали...

Он начал бедствовать...

И, в конце концов, ему пришлось покинуть и любимое детище свое — свою виллу, которую он уже ни отопить, ни обогреть не был в состоянии. Пришлось перекочевать на квартиру друга своего и большого верного поклонника, Ф. Н. Ф-ского,⁶¹ где он вскоре и умер от разрыва сердца.

Умер в расцвете силы... Славы... И таланта — сорока восьми лет. Накануне своего отъезда в Америку, куда он приглашен был читать лекции о русской литературе⁶²...

Последний «гвоздь», которым Андреев хотел «заколотить последний ящик своего жизненного багажа», — бытия своего в России — так неудачно и недальновидно «вбиваемый» им, «прошел мимо» и вонзился в его трепетавшее сердце...

Трепетавшее от разлуки с близкими...

Со всем своим прошлым...
С горячо любимой им... родиной...
Такой непосильной и тяжелой нагрузки его сердце не выдержало...

15

Похоронили Леонида Андреева там же, в Финляндии... В склепе⁶³...
И все разъехались. Осталась с ним одна-единственная лишь мать
его — старуха-мать...

Осталась у праха сына, после неудачной попытки лишить себя
жизни, два дня спустя после его смерти⁶⁴...

Всю жизнь она боялась шторма... Парусных и катерных лодок...
Шальной езды... Автомобилей...

Но если сын отправлялся в такое путешествие, — она бесстрашно
садилась рядом, так как считала, что он один погибнуть не может
и не должен...

Только вместе с нею...

Только... вдвоем.

Но смерть вопрос этот разрешила иначе и жестоко «подшутила»
над нею...

.....
С рассветом старуха мать, изо дня в день, шла к гробу безгра-
нично любимого ею сына и, оставаясь с ним до глубоких сумерек, —
она рассказывала ему, как живому, обо всем происходящем вокруг...

В бурю... Грозу... Проливной дождь... Стужу — она шла к нему,
ничего не замечая и никого, кроме него, не осознавая...

Когда в последующие после смерти Леонида Андреева дни со
всех сторон Европы начали приходиться телеграммы с выражением
соболезнования семье по поводу его смерти, — старуха мать носила
телеграммы эти к его гробу... Садилась у его изголовья... И вслух
читала ему текст их, заранее переведенный ей с иностранных языков
на русский кем-либо из соседей...

В солнечные дни она переживала свое невыразимое горе еще
сильней, и горсточка друзей Леонида Андреева, следившая за его
матерью после ее попытки на самоубийство, не раз видели ее бредя-
щей далеко куда-то, в лес... Неустанно повторявшую:

«Солнце! Кому же ты светишь?! Ведь Коточки уже нет!»...

.....
Не прошло и года, как ее нашли мертвой, с признаками удушья...

Было ли это самоубийство?! Было ли это убийство, — так фин-
ским следственным властям установить и не удалось⁶⁵...

Н. Гарина.

Начато: 7.10.34 г.

Закончено: 8.12.35 г.

Ленинград.

¹ По воспоминаниям близкой родственницы писателя С. Д. Пановой, его отец, Николай Иванович Андреев (1847—1889), «был сыном какого-то помещика Карпова и крепостной крестьянки», «служил в банке и был землемером» (*Фатов Н. Н.* Молодые

годы Леонида Андреева: По неизданным письмам, воспоминаниям и документам. М., 1924. С. 197—198).

² Ср. в письме Андреева к матери от 15 марта <1918>: «Милая моя маточка! Я уж давно называл нас с тобою Ромео и Джульеттою, известными всему миру лицами своей влюбленностью и горячей перепиской» (Леонид Андреев. С. О. С.: Дневник (1914—1919). Письма (1917—1919). Статьи и интервью (1919); Воспоминания современников (1918—1919) / Вступ. статья, сост. и прим. Р. Дэвиса и Б. Хеллмана. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1994. С. 219). Мать писателя — Анастасия Николаевна Андреева (урожд. Пацковская; 1851—1920).

³ Брат писателя, Павел Николаевич Андреев, вспоминал, что семейные прозвища матери «к концу ее жизни достигли громадного числа». Перечислив некоторые из них, он писал: «Обычно же мы ее звали „Рыжиком“ или „Рыжим дьяволом“, ласкательно: „Рыжичек“, хотя цвет ее волос никогда не был рыжим, она была шатенка. Причем она отзывалась на все прозвища» (*Андреев П. Н.* Воспоминания о Леониде Андрееве // Литературная мысль. Л., 1925. Кн. 3. С. 180).

⁴ Возможно, Н. Гарина по памяти цитирует письмо Андреева к матери от <6 февраля 1912>: «Светлейший мой рыжикончик! Твои письма — образец вместилищности. При полном отсутствии знаков препинания слог твой краток, силен и в то же время богат подробностями и чисто стилистическими украшениями. Минутами ты напоминаешь Шекспира в лучшие его минуты, но чаще уподобляешься Гомеру в его величавом эпическом спокойствии. По содержанию же — каждое письмо твое неисчерпаемо и разнообразно, как энциклопедический словарь Эфрона» (*Андреев Леонид.* Письма // Русский современник. 1924. № 4. С. 133).

⁵ Леонид Андреев, совсем еще малышом, не будучи в состоянии полностью выговорить название любимой книги своей «Кот в сапогах», прозвал книгу «Когочкой»... Так за ним самим это имя и упрочилось. (Примечание Н. М. Гарниной).

⁶ П. Н. Андреев так писал о матери: «А была она человек чуткий, по природе умный и талантливый. Леонид никогда не прочитывал без нее ни одного своего рассказа, повести или драмы. Она делала такие ценные замечания, что Леонид часто, под влиянием ее указаний, исправлял то или другое место в рассказе, драме, а то и все переделывал заново» (*Андреев П. Н.* Воспоминания о Леониде Андрееве. С. 181).

⁷ В письме к родственникам в Орел осенью 1899 г. Андреев называл свой московский адрес: «Горбатый мост, Продольный пер., д. Глеб-Кошанского, мне, кв. № 1» (*Фатов Н. Н.* Молодые годы Леонида Андреева. С. 177), а о матери, в привычно шутовском тоне, сообщал: «Официально ее наименование, недавно утвержденное Сенатом, „Соломон с Горбатого моста“» (Там же. С. 175).

⁸ Точная цитата из «Рассказа о семи повешенных» (1908): «Тут было то, о чем нельзя и не надо рассказывать...» (*Андреев Л. Н.* Собрание сочинений: В 13 т. СПб.: Просвещение, 1911. Т. 8. С. 50).

⁹ Братья и сестры Леонида Андреева: Всеволод (1873—1916), Павел (1878—1923), Андрей (1885—1920), Римма (в 1-м браке Алексеевская, во 2-м Оль, в 3-м Верещагина; 1881—1941), Зинаида (в замуж. Трофимовна; 1884—1905).

¹⁰ Некоторая неточность мемуаристки. По окончании Орловской классической гимназии, в 1891 г., Андреев поступил на юридический факультет Петербургского университета, откуда в 1893 г. был исключен за неуплату и перевелся на юридический факультет Московского университета. Мать писателя рассуждала его секретарю и биографу — В. В. Брусянину: «Жил и только мечтал о Петербурге. <...> Поступил он на юридический, поголодал и решил перекочевать в Москву... Попроще была Москва — да и поближе... А потом уже и я поднялась с насильственного места, продала домик и переехала в Москву» (*Брусянин В. В.* Леонид Андреев: Жизнь и творчество. М., 1912. С. 44—45).

¹¹ «Нас спасали тогда зеркало и подушки, — вспоминал Павел Андреев, — которые мы постоянно носили то в сумдную кассу, то обратно к себе домой, почему спали большей частью без подушек» (*Андреев П. Н.* Воспоминания о Леониде Андрееве. С. 168).

¹² «Это было самое голодное время в нашей жизни. Леонид оставался в студенческой столовой, откуда иногда украдкой таскал нам хлеб. Случалось, что нам нечего было есть, и тогда сестры к закрытию магазинов шли в булочную Филиппова, где и подавали им хлеба. Не знаю только, знал ли тогда об этом Леонид, или нет». «Часто

отказывался от обеда и не ходил в столовую: он не хотел быть сытым, когда мы все были голодны» (Там же. С. 168, 175).

¹³ Подобным образом характеризовал тяжелый порок брата и Павел Андреев: «...я не знаю человека, у которого такое состояние переживалось бы так бурно и так мучительно». «Матери, мне и старшей сестре пришлось принять на себя все тяжелые моменты его пьянства. Но более всего, конечно, мучился он сам. После таких припадков, он по целым дням, а иногда и неделям, не выходя пролеживал у себя в комнате за книгой. Чувство угрызения совести, стыда не позволяли ему даже нам показываться на глаза, и после того стоило всегда большого труда снова вернуть его к жизни» (Там же. С. 151—152).

¹⁴ Когда Леонид Андреев «стал на ноги», он и вся семья его начали разыскивать врача — «друга людей»... Но долгие и упорные поиски эти оказались, к глубокому сожалению Андреевых, бесплодными — врач покинул Москву, по-видимому, совсем. (Примечание Н. М. Гарниной). У А. И. Куприна есть рассказ с похожим сюжетом: «Чудесный доктор».

¹⁵ Сам Андреев писал об этом в одной из своих автобиографий: «...рисовал на заказ портреты, по 3 и 5 р. штука. Усовершенствовавшись, я стал получать за портреты по 10 и даже по 12 руб.» (цитируется по изд.: *Бруснин В. В.* Леонид Андреев: Жизнь и творчество. С. 49).

¹⁶ Возможно, речь идет о драматичных взаимоотношениях Андреева с Зинаидой Николаевной Сибилевой (в замуж. Паутовой). См. о ней, а также о трагических настроениях молодого писателя, приводивших его к попыткам уйти из жизни, в публикациях Н. П. Генераловой: «Дневник» Леонида Андреева // Литературный архив: Материалы по истории русской литературы и общественной мысли. СПб., 1994. С. 247—294; Леонид Андреев. Дневник 1891—1892 гг. // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. СПб., 1994. С. 81—141. По предположению большого знатока биографии Андреева Л. В. Ивановой (Орел), героиней «большой драмы» могла быть и Надежда Александровна Антонова (в 1-м браке Фохт, во 2-м Чукмалдина; 1877—1947).

¹⁷ О том, что события, положенные в основу сюжета пьесы «Дни нашей жизни» (первоначальное название «Любовь студента»; 1908), происходили в доме, принадлежащем Крейзману, на Пречистенском бульваре, вспоминал также брат писателя Павел (Андреев П. Н. Воспоминания о Леониде Андрееве. С. 168—169). Другие же мемуаристы — орловская родственница Л. Андреева С. Д. Панова, его товарищ по орловской гимназии, а затем и московской студенческой поры И. Н. Севастьянов — указывают в связи с этой пьесой «номера» в доме Фальц-Фейна на Тверской (*Фатов Н. Н.* Молодые годы Леонида Андреева. С. 89—90, 205—206, 227—229).

¹⁸ Одним из подтверждений этого может служить письмо Л. Андреева к брату Андрею от 24 июня 1916 г. Сообщая о том, что он «вошел в члены редакции новой, большой и очень богатой петроградской газеты» (имеется в виду «Русская воля»), писатель не скрывает, что в первую очередь его заинтересовали обнадёживающие материальные перспективы. «Надо помнить, — как бы оправдывается Андреев, — что я человек, однажды и навсегда ушибленный крейзмановщиной, сиречь бедностью, которую столь остро мы переживали; и страх перед нею прочно сидит в моем бессознательном» (Русский современник. 1924. № 4. С. 149).

¹⁹ О какой «большой любви» идет речь в данном случае, установить не удалось.

²⁰ Очевидно, во время перепечатки текста Н. Гарина ошиблась в нумерации глав: за 4-й снова следует 3-я, а потом и вторая 4-я. Начиная с этой главы, нумерация исправлена нами.

²¹ С октября 1897 г. Л. Андреев служил помощником присяжного поверенного, с 1897 по 1902 г. выступал в суде в качестве защитника. В одной из своих автобиографий он писал: «В 1897 г. я получил диплом и записался в помощники присяжного поверенного, но с самого начала сбился с правильного пути: мне предложили давать судебные отчеты в газету „Курьер“, только что возникшую. Практики юридической мне за недосугом приобрести не удалось: было у меня всего-навсего одно гражданское дело, которое я проиграл во всех инстанциях, и несколько уголовных бесплатных защит» (цитируется по изд.: *Бойцовский В. Ф.* Леонид Андреев: Критико-биографический этюд, с портретом и факсимиле Л. Н. Андреева. СПб., 1903. С. 64).

²² Правильно: «Баргамот и Гараська» (Курьер. 1898. 5 апр., № 94. С. 1).

²³ Первая книга Л. Андреева: Рассказы. СПб.: Изд. т-ва «Знание», 1901.

²⁴ Н. М. Гарина перечисляет пьесы Л. Андреева: «Анатэма» (1908), «Жизнь человека» (1907), «Черные маски» (1908), «Тот, кто получает пощечины» (1916).

²⁵ Андреев Л. Бездна: [Рассказ] // Курьер. 1902. 10 янв., № 10. С. 2—3.

²⁶ Один из писателей сообщил мне недавно небезынтересный, но лично мне совершенно неизвестный факт, что на «Конгрессе мира, в Германии, один из участников Конгресса предложил собранию прочесть рассказ Леонида Андреева „Красный смех“, в котором писатель дает жуткую, беспросветную картину всех ужасов войны...» (Примечание Н. М. Гариной).

Рассказы Л. Андреева «Бездна» и «Красный смех: Отрывки из найденной рукописи» (Сборник товарищества «Знание» за 1904. СПб., 1905. Кн. 3. С. 268—348) вызвали широкое обсуждение и полемику в прессе. См.: Леонид Николаевич Андреев: Библиография. Вып. 2: Литература (1900—1919) / Сост. В. Н. Чуваков. М., 1998 (указатель).

²⁷ Потрясший Гарину рассказ Андреева «Христиане» был опубликован сначала в Штутгарте (1905), а затем в «Журнале для всех» (1906. № 1). Для Гариной, явно придерживавшейся атеистических взглядов, вполне органично понимание сюжета как противостояния женщины из народных низов (запешедшей в «беспросветный тупик»), не одурманенной религиозным «опиумом», стоящей «морально неизмеримо выше своих судей» и «дикарей», считавших себя христианами. Об источниках замысла рассказа, находящегося «в эпицентре событий русской жизни рубежа веков, вызванных кризисом веры», см.: *Иезуитова Л. А.* Рассказ Леонида Андреева «Христиане»: репортаж? — пародия? — притча? // Леонид Андреев: Материалы и исследования. М.: Наследие, 2000. С. 195—228.

²⁸ Андреева (урожд. Велигорская) Александра Михайловна (1881—1906) — первая жена Л. Андреева, мать Вадима и Даниила.

²⁹ Эта надпись произвела впечатление и на другую мемуаристку. В. Б. Катонина, познакомившаяся с Л. Андреевым в 1915 г., так же, как и Нина Гарина, хорошо знала Римму Николаевну и также использовала ее рассказы в своих воспоминаниях. «На одной из своих фотографических карточек, — пишет она, — Леонид Николаевич делает надпись сестре: „— Так смотрю я, Римиська, на жизнь, для тебя и улыбнулся бы, да не выйдет. Твой Леонид!“» (*Катонина В. Б.* Мои воспоминания о Леониде Андрееве // Красный студент. 1923. № 7-8. С. 21). Вполне возможно, что обе мемуаристки видели эту фотографию в семейном архиве Р. Н. Андреевой, одержимой идеей создания музея, посвященного брату. Ср. также строки из воспоминаний Риммы Николаевны, посетившей спустя четыре года после кончины писателя его дом в Ваммельсуу: «У стола высокое кресло, на спине которого мать повесила портрет сына и любящей рукой украсила его венком. Печально смотрели на меня глаза брата, как бы говоря: „что, Римма, грустно?“» (*Андреева Р.* На могиле Леонида Андреева // Последние новости. 1923. 5 нояб., № 47).

³⁰ Эту особенность личности Андреева отмечали и другие его современники, в первую очередь, друзья. Г. И. Чулков назвал это «двойной жизнью»: «С одной стороны, большая семья, много знакомых, издатели, критики, актеры и какие-то бесконечные случайные посетители: тут было много забот и суеты. С другой стороны, та внутренняя и мучительная тревога, слепая и угрюмая, которая его терзала: тут одиноко сторула его душа» (*Чулков Г.* Годы странствий: Леонид Андреев // Чулков Г. Годы странствий / Вступ. статья, сост., подгот. текста, коммент. М. В. Михайловой. М., 1999. С. 134).

³¹ Отрицательный отзыв Л. Н. Толстого относился не к пьесе «Черные маски» (1908), а к рассказу «Бездна» (1902). Ошибка мемуаристки состоит и в неточно переданной фразе Толстого, стараниями журналистов превращенной в афоризм: «Он пугает, а мне не страшно». См. об этом: *Иванова Л. Н.* Иванов-Разумник и Леонид Андреев // Иванов-Разумник: Личность. Творчество. Роль в культуре: Публикации и исследования. СПб., 1998. Вып. 2. С. 134—135.

³² *Арцыбашев Михаил Петрович* (1878—1927) — прозаик, драматург.

³³ *Ходотов Николай Николаевич* (1878—1932) — актер и писатель, автор книги воспоминаний «Близкое — далекое». (Л.; М., 1962).

³⁴ Указания на статьи об описываемом инциденте см.: Леонид Николаевич Андреев: Библиография. Вып. 2. С. 385—389.

³⁵ См.: РО ИРЛИ, ф. 736. № 68.

³⁶ «Другая причина», по мнению Гариной: «... Куприн был болен редчайшей „болезнью“, по-видимому, и неизлечимой — он завидовал интересной внешности мужчин» (РО ИРЛИ, ф. 736, № 68, л. 53). Закончив воспоминания о Куприне, Гарина поделилась своими предположениями о «подкладке драки» с Н. Н. Ходотовым. «Ходотов изумился, опешил даже как-то, и вдруг, подумав, сказал: „А знаете что?! Весьма и весьма возможно! Ведь бабье буквально не давало прохода Леониду Андрееву, и Куприну, обычно, приходилось стужеветаться! А он ведь мстительный!..“ Я и до прихода Ходотова понимала, что в тот злополучный вечер, несомненно, Андреев пользовался большим успехом у „бабья“, чем Куприн, почему Куприн и решил унижить „соперника“, поставив его в неловкое положение, а затем ударами „стеречь“ его вообще с лица земли...» (Там же, л. 54). Нескoлько иначе описала это событие жена Куприна. См.: *Куприна-Иорданская М. К.* Годы молодости. 2-е изд. М., 1966. С. 305—306.

³⁷ В беседе с братом Андреем о собственном алкоголизме Леонид Николаевич произнес: «И это я еще вовремя и счастливо вырвался, а иначе погубил бы точно так же, как погубает Куприн и другие». «Насколько я знаю, — пояснил Андрей Николаевич, — Леонид не пьет уже около двух лет, после истории с Куприным». И тут же делает сноску: «Ошибаюсь: он пил в последнюю поездку за границу, именно тогда, когда случайно остался один» (*Андреев А.* Из воспоминаний о Л. Андрееве // Красная новь. 1926. № 9. С. 216).

³⁸ Сам Н. Н. Ходотов в книге воспоминаний, не входя в подробности скандального происшествия и не давая ему оценки, лишь упомянул о нем, с сочувствием к Куприну: «Инцидент, происшедший у меня на квартире между Куприным и Леонидом Андреевым, после которого все товарищи предали Куприна остракизму, принес много терзаний самолюбивому, но и глубоко чуткому автору „Гранатового браслета“ и „Суламифи“. В Куприне уживались жестокость и нежность, но жестокость его была наигранной» (*Ходотов Н. Н.* Близкое — далекое. С. 174).

³⁹ Возможно, «старший сын» — Алексей Гарин: на одной из фотографий в альбоме, датированной 1911 г., ему 10 лет (РО ИРЛИ, ф. 736, № 57, л. 33). А под рисунком с датой 12 января 1917 г. надпись хозяйки альбома: «Рисунок А. Гарина, ученика Финской Академии, сына Н. М. Гариной» (Там же, л. 35).

⁴⁰ В оригинале более похоже на «24 июня 1910», что логичней, так как Андреев посылает Гарину только что полученное письмо Короленко от 22 июня.

⁴¹ Оригинал письма Андреева и его фотопортрет с надписью подклеены в альбоме Н. М. Гариной: РО ИРЛИ, ф. 736, № 57, л. 47 об. и 10 об. Показательна «ошибка» мемуаристки в воспроизведении надписи на фотографии, которая в оригинале выглядит так: «Сергею Александровичу Гарфильду с сердечной признью Леонид Андреев 1910».

⁴² Остальные письма Леониды Андреева сданы мною в Музей, с письмами остальных писателей. (Примечание Н. М. Гариной). О каком музее идет речь, осталось неясным. Никаких других писем Леониды Андреева в семью Гариных выявить не удалось. Сохранилось официальное письмо к Гариной директора Государственного литературного музея В. Д. Бонч-Бруевича от 28 февраля 1938 г., с просьбой о материале. Слова «мемуары и всякие воспоминания» подчеркнуты Гариной (о чем она сама пишет на полях) (РО ИРЛИ, ф. 736, № 72). Помимо пушкинодомского, фонды С. Гарина имеются в Российском государственном архиве литературы и искусства (ф. 146) и в Рукописном отделе Института мировой литературы (ф. 471).

⁴³ Ни упоминаемое второе письмо Андреева С. А. Гарфильду, ни его ответную телеграмму обнаружить не удалось.

⁴⁴ Возможно, речь идет о присланном Гарфильду письме В. Г. Короленко от 22 июня 1910 г., адресованном Андрееву. Короленко положительно оценивает рукопись, спрашивает об адресе автора (для высылки гонорара), предлагает сменить заглавие и псевдоним «Глаголь», уже используемый двумя писателями (см.: *Желвакова И. А.* Письма В. Г. Короленко разным лицам // Новое и забытое. М.: Наука, 1966. <Сб.> 1. С. 126). 27 июля 1910 г. Гарфильд сам написал Короленко и получил краткий деловой ответ, датированный 2 августа того же года (Там же, С. 126).

⁴⁵ *Гарин С.* Как они умирали. (Из летописи минувшей войны) // Русское богатство. 1910, № 9. С. 11—58.

⁴⁶ Прижизненная пресса также отмечала эту несправедливость: «Беседу с Леонидом Андреевым нужно начинать с опровержения целого ряда клевет и лезвостей, измышленных о нем досужими сочинителями». Далее автор статьи-интервью, перечис-

лив и, с помощью самого писателя, опровергнув лишь некоторые из «небылиц-обвинений в огромном большинстве случаев с оттенком злобности и клеветничества», замечает, подобно Н. М. Гариной: «Зависть — родная сестра славы, а клевета — двоюродная. Таких терний славы у Андреева слишком много.

— Каждый день, — рассказывает Л. Н., — я получаю кучу печатных сообщений и статеок о себе из бюро вырезок. Это почти сплошь брань или вымысел. Я давно уже усвоил принцип не выступать с опровержениями и никогда не изменял себе за единственным исключением, когда кто-то написал, что я сумасшедший, а кто-то стал читать лекцию обо мне, рассматривая меня под этим углом зрения. Это уж мне показалось очень обидным, — улыбается Л. Н. — С какой же стати? Большие я никогда ни на что не возражал. «В критических отзывах о себе. — а об Андрееве теперь пишут без всякого сомнения больше, чем о ком-либо в России <...>, его внимание останавливает отсутствие серьезных попыток считаться с целым его писательским обликом. Почти нет статей, есть лишь фельетонные наброски. Каждый раз пишут только о последней вещи. Вовсе отсутствует попытка поставить ее в связь с написанным ранее» (Аякс [Измайлов А. А.]. У Леонида Андреева // Биржевые ведомости. (Веч. вып.). 1907. 27 нояб., № 10225).

⁴⁷ Скорее всего, — это изложение одного из устных рассказов брата писателя — Андрея Николаевича. Ср. его воспоминания: «Когда так называемый „провал“ „Екатерины Ивановны“ завершился, „Биржевые Ведомости“ поместили заметку, что Л. Андреев крайне угнетен неудачей. По словам газеты, близкие и родные писателя скрывают от него все, что пишется по этому поводу, все журналы и газеты. Заметку эту Леонид прочел за обедом. Прочитал он вслух ее так... „родные прячут от него газеты, а также ножи и вилки“. Оглядев стол, он посоветовал матери убрать еще кочто, например, огурцы.

— На всякий случай. Мало ли, подавиться можно» (Андреев А. Из воспоминаний о Л. Андрееве // Красная повесть. 1926. № 9. С. 212—213). Речь идет о статье: П. Л. Андреев и «Екатерина Ивановна» // Биржевые ведомости. (Веч. вып.). 1912. 20 дек., № 13309. Автор сообщает о провале премьеры пьесы, поставленной Вл. И. Мемпловичем-Данченко в Московском Художественном театре в декабре 1912 г.

⁴⁸ Андрей Андреев иначе отзывался о реакции брата на эту и подобные бранные статьи: «Странно, но это так: в момент наибольшей ругани Леонид чувствовал себя необычайно крепко и весело. Чувствовал ли он прелесть боя или так кратко верил в значительность пьесы, не знаю. Но весел был все время, и прочитанная заметка вызвала его на ряд чудесных острот. Только одно плохо: работать не мог» (Андреев А. Из воспоминаний о Л. Андрееве. С. 213).

⁴⁹ *Ленский (наст. фам. Абрамович) Владимир Яковлевич (1847—1937)* — прозаик, поэт.

⁵⁰ О Семене Юшкевиче у меня есть отдельные воспоминания. (Примечания Н. М. Гариной). В фонде С. А. Гарина в РО ИРЛИ этот материал отсутствует. Юшкевич Семён Соломонович (1868—1927) — писатель-«знаниевид».

⁵¹ Подобную трактовку изображенного Андреевым образа мы находим и в близких по времени мемуарах литературного секретаря издательства «Шиповник» Веры Евгеньевны Беклемишевой (1881—1944): «Ко дню венчания Риммы Николаевны с А. Олем Леонид Николаевич нарисовал и подарил им изображение святого Исайи Ликуй. У святого развращенное, красное от пьянства лицо пропощы-монаха. Он хитро подмигивает глазом, а пальцы, сложенные для благословения, отвратительно жирны. На лбу святого рожки. В сопроводительной записке совет: „А на ночь поворачивайте Исайку к стенке“» (Беклемишева В. <Воспоминания о Л. Андрееве> // Реквием: Сборник памяти Леонида Андреева / Под ред. Д. Л. Андреева и В. Е. Беклемишевой; С предисл. В. И. Невского. М.: Федерация, 1930. С. 216). *Ольга Андрей Андреевич (1883—1958)* — второй муж Р. Н. Андреевой, архитектор, автор проекта дачи Л. Андреева в Ваммельсуу.

В дни, когда Нина Гарина заканчивала свои воспоминания об Андрееве, его сестра, Римма Николаевна, передала эту работу писателя в Государственный литературный музей, сделав на обороте следующую надпись: «Эта картина нарисована моим братом Леонидом Андреевым. Она является карикатурой на св. Исайю, и брат благословил меня в 1913 г., когда я выходила замуж. Р. Верещагина. 1935 г. 4 августа» (Петрова Н. И. Рисунок и живопись русских писателей. (Из фондов Гослитмузея) // Новое и забытое. М., 1966. <Сб.> I. С. 35). По воспоминаниям В. Е. Беклемишевой,

Римма Николаевна и А. А. Оль поженились осенью 1908 г. (*Беклемишева В.* <Воспоминания о Л. Андрееве>. С. 203). 1 (14) ноября 1910 г. у них родилась дочь Галина. А в 1913 г. состоялось венчание. В неопубликованном письме от 4 ноября (6. г.) к сестре и А. А. Оло об их предстоящей свадьбе Андреев пишет об этой же картине (Орловский государственный литературный музей И. С. Тургенева, ф. 12, оп. 1, № 32 (КП 895 оф)). Приношу сердечную благодарность хранителям ГЛМ И. М. Гореховой и Т. В. Соколовой, а также Л. Д. Затуловской и Л. В. Ивановой (Орел) за предоставленные сведения.

В Русском архиве в Лидсе (Великобритания), в фонде Леонида Андреева, хранится недатированный карандашный рисунок писателя, также изображающий св. Исаию (об этом говорит подпись автора). Вероятно, это набросок той самой пастели (LRA MS. 606/G.1.vii.a). Благодарю директора архива — Ричарда Дэвиса — за возможность ознакомиться с копией рисунка. Подробнее об этом сюжете см.: *Иванова Л. Н.* По страницам воспоминаний о Леониде Андрееве (в печати).

⁵² Этот эпизод ранее в литературе об Андрееве не упоминался. Судя по всему, речь идет о марте—апреле 1906 г., когда писатель с первой женой, А. М. Андреевой, и старшим сыном Вадимом (1902—1976) жили в Глионе (Швейцария). 8 марта 1906 г. Л. Андреев писал оттуда в Россию, брату Павлу: «Будь друг, обдумай вопрос о матери, ехал ли ей сюда или в Крым. Мне бы очень хотелось ее сюда, но побаиваюсь дороги. Не растерялась бы она; нам и то временами приходилось беспокоиться. Доехать она, конечно, доседет, но только тогда нужно будет основательно настроичить ее» (Неопубликованное письмо Леонида Андреева / Публ. И. Андреевой-Рыжковой и А. Богданова // *Вопросы литературы.* 1990. № 4. С. 277—278; благодарю Л. Н. Кен за указание цитаты). О том, что Анастасия Николаевна хоть и «растерялась», но все же добралась до места, свидетельствует письмо Андреева к тому же адресату от 22 марта (4 апреля) 1906 г.: «Мать здорова и настроение ничего; згорчается только, что нет писем» (Леонид Андреев. Письма к Павлу Николаевичу и Анне Ивановне Андреевым / Публ. Л. Н. Ивановой и Л. Н. Кен // *Русская литература.* 2003. № 1. С. 158).

⁵³ Местонахождение описанной фотографии установить не удалось. Известен подобный «постановочный» снимок писателя, возможно, из этой же «серии», сделанный в его доме в Ваммельсуу: сидящая в кресле мать (также в клетчатом платье), с фигурками, очевидно заменяющими скриптер и державу, и стоящие по бокам вооруженные Леонид и Андрей Андреевы. Опубликован в альбоме: *Photographs by a russian writer Leonid Andreyev. An undiscovered portrait of Pre-Revolutionary Russia / Edited and Introduced by Richard Davies; With a Foreword by Olga Andreyev Carlisle.* London: Thames and Hudson Ltd, 1989. P. 239. В правой руке А. Н. Андреева держит медную китайскую курильницу XVIII в., хранящуюся ныне, так же как и кресло, в Литературном музее ИРЛИ.

⁵⁴ Павел Андреев в воспоминаниях о брате рассказывает о похожем розыгрыше детьми дочерливой Анастасии Николаевны: было решено путем голосования избрать новую мать. «В день выборов мать очень волновалась, и какова же была ее радость, когда единогласно, без одного воздержавшегося (в голосовании принимали участие только мы, ее дети) провели ее в наши матери, — уже не по назначению, а по выбору. А вечером ужин, после чего граммофон, танцы. Но более радовалась она сама, видя всех нас веселыми и счастливыми» (*Андреев П. Н.* Воспоминания о Леониде Андрееве. С. 180).

⁵⁵ А. Н. Андреев писал стихи, работал в качестве хроникера в газете «Утро России» (1907, 1909—1917), где печатался под псевдонимом А. Болховской.

⁵⁶ Похожий рассказ см. в воспоминаниях Е. И. Замятина: *Книга о Леониде Андрееве.* Пг.; Берлин: Изд. З. И. Гржебина, 1922. С. 107—109.

⁵⁷ Эту же историю, только более подробно, Андреев с грустью рассказывал Горькому: *Воспоминания Горького об Андрееве / Предисл. и прим. А. И. Наумовой // Горький и Леонид Андреев: Неизданная переписка. М., 1965. С. 371—372 (Литературное наследство; Т. 72).*

⁵⁸ В опубликованных воспоминаниях брата нет речи о «самобичевании» писателя. На слова Андрея «Как мне обидно за отцов, которые умерли, когда их сыновья — будущие писатели — еще дети. <...> Как жалко, что наш отец умер так рано. Леонид ответил так: Не совсем так. Отец будущность мою предвидел настолько, что я считаю его первым поклонником своего таланта. Не могу сказать, в чем это выражалось явно, но отец как-то выделял меня среди других, и не только одною любовью. <...> И если

бы он сейчас воскрес и увидел бы, что есть, он нисколько не удивился бы. Скорее даже, что отнесся бы так: только то? — я ожидал большего» (*Андреев А.* Из воспоминаний о Л. Андрееве. С. 211).

⁵⁹ В 1918—1919 гг. С. Гарин был морским агентом и полпредом в Дании по делам военнопленных. По воспоминаниям В. С. Гариной-Кузнецовой, он вернулся в Россию в конце марта 1919 г., «с ним приехала его вторая семья и мой муж» (РО ИРЛИ, ф. 736, № 79, л. 104). В альбоме Н. М. Гариной есть семейные фотографии, сделанные в Копенгагене.

⁶⁰ Римма Николаевна и сама не только не присутствовала при кончине брата (въезд в Финляндию был закрыт), но и узнала об этом с опозданием. Они не виделись с 1917 г., с 1918 г. прекратилась и переписка. О «подробностях» она прочла позднее в письмах убитой горем матери. См. об этом: *Андреева Р.* Мать Леонида Андреева // Россия. 1925. № 4. С. 238—241.

⁶¹ Ф. Н. Фальковский (для редакции). (Примечание Н.М. Гариной). *Фальковский Федор Николаевич* (1874—1942) — писатель, драматург, директор петербургского Нового драматического театра, близкий приятель Л. Андреева. В его доме в Нейвола (Мустаямки) писатель провел свои последние дни и скончался 12 сентября 1919 г. См. два мемуарных очерка Фальковского, с разными оценками последнего, мучительного периода жизни Андреева: «О них должно быть сказано всё» (1920) и «Предсмертная трагедия Леонида Андреева. (Из воспоминаний)» (1923) (Леонид Андреев. S. O. S. С. 388—393, 401—411).

⁶² В 1919 г., когда Андреев понял, что не удастся воплотить его план — развернуть и возглавить антибольшевистскую деятельность в России, — принял решение поехать в Америку для выступления с лекциями о положении дел на родине и для того, чтобы выжить, зарабатывая литературным трудом. «<...> денег у меня нет, — писал Андреев В. Л. Бурцеву 19 августа 1919 г., — живу я кредитом и не знаю, как пройдет завтрашний день, что, при наличии семьи и плохом здоровье, очень скверная штука» (Леонид Андреев. S. O. S. С. 309).

⁶³ Сначала запаянный гроб писателя находился в часовне на даче А. П. Горбик в Нейволе, в 1924 г. был перевезен на кладбище Картавцева в селе Мсяцяюля, а в 1956 г. перезахоронен на Литераторских мостках Волкова кладбища.

⁶⁴ См. в воспоминаниях Риммы, уверенной, что мать не переживет потери своего любимца: «И, действительно, в эту же ночь она покушалась на самоубийство, она повесилась на кровати у изголовья умершего сына, ее сняли уже посиневшую и стали следить за ней». Сама Анастасия Николаевна так писала об этом: «Дорогие мои дети, знайте, что я осталась жить ради вас. Совесть меня замучила, что я не повидаю вас. Мое горе не поддается никаким словам. Нет его, нет. Я искала смерти, но неудачно. <...> нет света, нет радости, все потеряно. Я страшно одинока. <...> боюсь, что ослепну от слез и не увижу вас» (*Андреева Р.* Мать Леонида Андреева. С. 238—239). Так, к их общему горю, и произошло. Римма Николаевна смогла попасть в Финляндию лишь зимой 1923 г. и посетить две дорогие ей могилы.

⁶⁵ Анастасия Николаевна ненадолго пережила сына и скончалась 2 декабря 1920 г. «По заявлению врача, она скончалась от разрыва сердца в 5 часов. Только непонятно, почему на шею были следы, как будто ее душили, может быть, она сама боролась с удушьем, хватала себя за горло. Бог знает...» (Там же. С. 241).